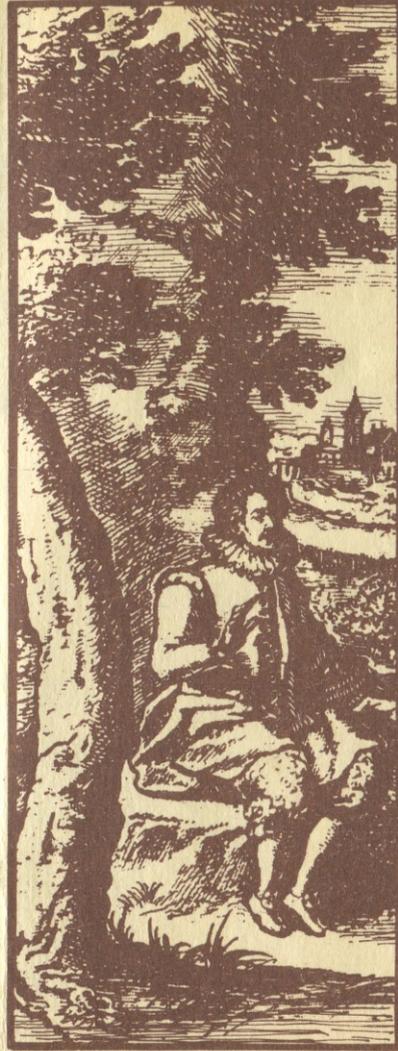
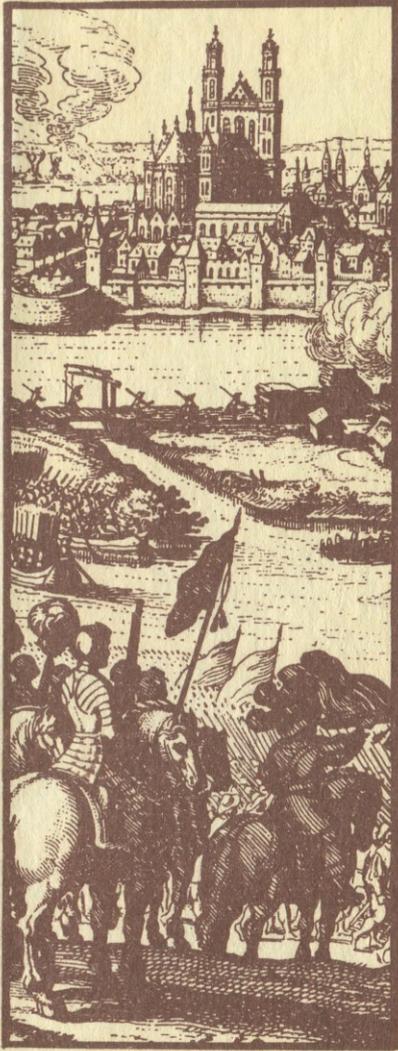

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1976

И (Нем)

И 50

**Составление,
предисловие и примечания
*Льва Гинзбурга***

**Оформление художника
*А. Лепятского***

И $\frac{70404-296}{028(01)-76} 162-75$

© Издательство «Художественная литература», 1976 г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Семнадцатый век в Германии, да, пожалуй, и во всей Европе — век мучительных, непреодолимых, казалось бы, противоречий. Злополучно начатый в 1600 году казнь Джордано Бруно, исковерканный политическим и религиозным обскурантизмом, ожесточеннейшими и повсеместными попытками загнать назад, в средневековье, раскрепощенную Возрождением и Реформацией человеческую мысль, задушить слово, обрубить руки, владеющие пером, резцом, кистью, век затлженных, почти непрерывных кровопролитий, когда в Тридцатилетнюю войну 1618—1648 годов были втянуты миллионы людей, век массовых эпидемий и голода, — семнадцатый век оказался вместе с тем столетием необычайного взлета человеческого духа, веком новых открытий и знаний, новых, почти невообразимых в тех условиях философских, политических, художественных достижений. (Вспомним, что Европа XVII века дала таких людей, как Декарт, Спиноза, Паскаль, Кромвель, как Бах и Рембрандт, Мольер и Корнель, Мильтон, протопоп Аввакум...)

Человеческий дух метался от надежды к отчаянню, от глубокой подавленности и пессимизма к безудержному жизнелюбию, от мрачного религиозного мистицизма к обожествлению самого человека — центра мироздания, венца всего сущего.

Эти метания и крайности не могли не отразиться в искусстве; новый, пришедший на смену ренессансу стиль барокко — прямое их порождение: нарушение пропорций, величественная, подавляющая своей огромностью дисгармония, резкое столкновение светотеней, причудливость закругленных, незавершающихся линий. Затрепетали, воплощенные в камне, вопли, молитвы, хоры миллионов: зодчество барокко. Ожили в хорах и ораторных голоса мятущегося человечества... Предметом искусства все чаще становилось столкновение великих контрастов: вечности и времени, жизни и смерти, плоти и духа.

Много позднее термин «барокко», заимствованный у архитектуры, стали распространять на музыку, живопись, а затем и на поэзию ряда европейских стран XVII века. Под этим подразумевалась ее эмоциональная и философская перенасыщенность, стремление разгадать таинственную связь между невозмутимой вечностью и раздираемым страстями временем, постичь сложную диалектику человеческого мышления и многозначность человеческой речи.

Португальское слово «барокко» — от «перола барока», жемчужина неправильной формы, — оказалось пригодным не только для зодчества. И хотя у каждого из искусств свои законы и формы, перед глазами читателя, очевидно, возникнут образцы барочной архитектуры, когда он познакомится со многими стихами, помещенными в этой книге. Присущие барокко «неправильность», декоративность, избыточность — все это, конечно, есть не только в архитектуре, но и в поэзии бурного и неистового XVII века...

Одной из наиболее замечательных страниц европейской литературы барокко оказалась немецкая поэзия XVII века, по существу положившая начало классической поэзии Германии, подготовившая приход таких великих писателей и поэтов, как Лессинг, Гете, Шиллер, а затем Гёльдерлин и Гейне. Рожденная в огне Тридцатилетней войны, эта поэзия откликнулась на самые насущные вопросы времени, на самую суть бытия, безраздельно поста-

вив себя на службу своему пострадавшему и обездоленному народу.

На эту главную черту поэзии Тридцатилетней войны — как поэзии гражданской — впервые обратил внимание в 1954 году выдающийся немецкий поэт и общественный деятель Иоганнес Бехер, создавший свою поистине историческую антологию поэзии XVI—XVII веков — «Слезы отечества».

Отметая схоластические споры о тех или иных внешних признаках поэтики барокко, Бехер писал, что «крупнейшие поэты Тридцатилетней войны были насквозь политическими поэтами в том смысле, как были ими великие греки или поэты Ренессанса, как Ронсар и Сервантес, как Овидий и Гораций...».

В наши дни, когда поэзия барокко вызывает всеевропейский интерес, эти слова приобретают особое значение. При этом ясно, что термин «политические поэты» следует понимать не примитивно, не по-школярски, а широко, умея видеть «политику» и в глубоких раздумьях о судьбах отечества, и в особо напряженных размышлениях о жизни и смерти, о назначении человека, о краткости и бесконечности времени, и, конечно же, в безоговорочном осуждении неправой войны, политического гнета, закабалении человеческой личности. Разве не этими свойствами отмечены, например, стихи таких «насквозь политических поэтов», как Андреас Грифиус, Пауль Флеминг, Мартин Опиц, разве не «политикой» насыщены стихотворные изречения Логау и Морхофа, разве жизнеутверждающее начало, заложенное в стихах Зигмунда фон Биркена или Филиппа Цезена, не воспринимается как политический протест? Отчаянный спор с богом, а следовательно, и со всем существующим миропорядком ведет в своих стихах Иоганн Христиан Гюнтер — гениальный страстотерпец, высоко оцененный — в Германии — Гете, считавшим Гюнтера своим предшественником, а в России — Михаилом Ломоносовым. Читая сегодня стихи Пауля Гергардта, вдохновлявшие Баха, мы не думаем об их религиозном содержании, отбрасываем условности и терминологию того времени: нас пронзают высокая чистота чув-

ства, идея заступничества за человека, безмерность человеческих страданий и готовность постоять «за други своя».

Многие из немецких стихотворцев были и конкретными политиками, выражавшими самые передовые для своего века идеи. Так, немецкие поэты эпохи Тридцатилетней войны ранее многих поняли необходимость консолидации европейских народов, того, что теперь принято называть мирным сотрудничеством и обменом духовными ценностями. Они, эти старые, отделенные от нас тремя столетиями, немцы были первыми поборниками дружбы с Россией (см. сонеты Пауля Флеминга о Москве, о Волге); Мартин Опиц был провозвестником германо-польской дружбы; Грифиуса занимали Армения, Грузия, и ему же принадлежат стихи, посвященные польскому гению Николаю Копернику. Что же касается Флеминга, то недавно, в Эстонии, обнаружены следы его пребывания в старом Ревеле, где он способствовал созданию поэтических «пастушеских кружков», в которых сочиняли и читали немецкие и эстонские — первые на эстонском языке — светские стихи.

Читая стихи немцев XVII века (силлабо-тоническая система была введена в Германии «реформой» Мартина Опица), чувствуешь их причастность ко всей поэзии Европы, общность некоторых мотивов, интонаций, настроений, характерных для художественного мышления европейского барокко. Еще, очевидно, предстоит выявить «общий знаменатель», связывающий между собой, скажем, немца Грифиуса и испанца Гонгору, англичанина Джона Донна и итальянца Марино, чеха Яна Амоса Коменского и поляка Яна Морштына, русского поэта Симеона Полоцкого и украинского — Григория Сковороду...

В XVII веке благодаря усилиям прежде всего Опица, Грифиуса и Флеминга в Германии стал утверждаться сонет; Иоганн Рист привнес в немецкую поэзию очарование ямбической оды, Христиан Гофмансвальдауд придал стиху внутреннюю мощь и раскованность. Стихи Зигмунда фон Биркева как бы написаны красками, а Иоганн Клай поражает своей виртуозной звукописью, имеющей отнюдь не

просто формальное значение. Мощный ямб Иоганна Христиана Гюптера предвосхитил многие поэтические повествования не только XVIII, но и XIX столетия. Фридрих Логау до сих пор остается непревзойденным мастером политической эпитафии.

«Средь множества скорбей» поэты немецкого барокко безудержно, расточительно использовали все выразительные средства для постижения и преодоления неумолимой действительности.

В годы, когда в пожаре войны и на кострах инквизиции горели люди и книги, немецкая поэзия напоминала о бессмертии человеческого духа и человеческого гения и во весь голос, с присущим ей эмоциональным напором и неистовством, смогла по-своему заклеить все то, что грозит человеку, унижает его достоинство и принижает его дух. С полным сознанием своей миссии она внедряла гражданское чувство ответственности за судьбы родины.

Именно эти качества немецкой поэзии и привлекли к ней внимание людей, переживших испытания века двадцатого. Стихи, написанные триста с лишним лет тому назад, не состарились, не омертвели. Ведь в стихах этих течет живая, горячая кровь, а воссозданная тогдашними поэтами картина утраченного равновесия мира побуждает к серьезным и глубоким раздумьям.

В заключение хотелось бы сказать следующее. История появления переводов, как и сама история литератур, причудлива и притворлива. Если не считать нескольких разрозненных переводов, поэзия немецкого барокко до недавнего времени была вовсе не представлена на русском языке. В 1963 году книгой «Слово скорби и утешения» (издательство «Художественная литература») автор этих строк попытался положить начало нашему знакомству с творчеством крупнейших поэтов Германии XVII века, в том числе и с фольклором Тридцатилетней войны. Впрочем, этот сборник был ограничен строгими тематическими рамками, и все, что не относилось непосредственно к событиям войны, осталось за его пределами.

Между тем поэзия немецкого барокко отличается, как уже отмечено, чрезвычайно разнообразным содержанием, редкостным богатством форм и приемов.

В предлагаемом сборнике переводческий труд, начатый десятилетие с лишним тому назад, продолжен: открыты новые стихи, новые имена, новые тематические пласты, которые могут дать более или менее полное представление о немецкой поэзии XVII века.

Лев Гинзбург

НЕМЕЦКАЯ
ПОЭЗИЯ
XVII ВЕКА

Автор неизвестен

ВЕЧНОСТЬ

Ах, как же, вечность, ты долга!
Где рубежи? Где берега?
Но время, в коем мы живем,
Спешит к тебе, как в отчий дом,
Быстрей коня, что мчится в бой,
Как судно — к гавани родной.

Не можем мы тебя настичь,
Не в силах мы тебя постичь.

Тебя окутывает мгла.
Подобно шару, ты кругла.
Где вход, чтобы в тебя войти?
Вошедши, выход где найти?

Ты — наподобие кольца:
Нет ни начала, ни конца.
Ты — замкнутый навеки круг
Бессчетных радостей и мук,
И в центре круга, как звезда,
Пылает слово: «навсегда»!

Тебе конца и краю нет.
И если бы в сто тысяч лет
Пичуга малая хоть раз
Могла бы уносить от нас
Хоть по песчиночке одной,—
Рассыпался бы мир земной.

И если бы из наших глаз
В сто тысяч лет всего лишь раз
Одна б слезинка пролилась,—
Вода бы в мире поднялась,
Все затопивши берега,—
Вот до чего же ты долга!

О, что́ перед числом веков
Число песчинок всех песков?
Сколь перед вечностью мало
Всех океанских брызг число!
Так для чего ж мы всё корпим
И вычислить тебя хотим?

Так знай же, смертный, вот — итог:
Покуда миром правит бог,
Навечно тьме и свету быть.
Ни пыток вечных не избыть,
Ни вечных не избыть услад...
Навечно — рай. Навечно — ад.

Георг Рудольф Векерлин

К ГЕРМАНИИ

Проснись, Германия! Разбей свои оковы
И мужество бывшее в сердце воскреси!
От страшной кабалы сама себя спаси,
Перебори свой страх! Услышь свободы зовы!

Тиранов побороть твои сыны готовы!
Не списхождения у недругов проси,
А подлой кровью их пожары загаси
И справедливости восстанови основы!

На бога положишься и слушаешь тех князей,
Которых он послал для высочайшей цели:
Отмстить виновникам гибели твоей,

Заступникам твоим помочь в их правом деле!
Не медли! Поднимись! Зловещий мрак развеи,
Чтоб разум и добро безумье одолели!

СОН

Увидел я во сне подобье божества:
На троне, в золоте, среди мраморного зала...
Толпа полулюдей, протиснувшись едва,
Молилась на него, тряслась и трепетала.

Меж тем фальшивый бог, исполнен торжества,
Казнил и миловал и, словно с пьедестала
Взирая на толпу, произносил слова,
Провозглашая в них высокие начала.

А небо зрело все... И в сумраке ночном
Сгушались облака, шло звезд перемещение.
Лжебог торжествовал, по крепло возмущенье,
Лжебог подмял весь мир, и тут ударил гром.

Господь осуществил суровое отмщенье,
Власть, роскошь превратив в зловонный грязь ком.

НА РАННЮЮ СМЕРТЬ АННЫ АВГУСТЫ,
МАРКГРАФИНИ БАДЕНСКОЙ

Угасла ты, как день короткий.
Как день весенний, ты цвела!
Звездой рассветной ты была
И людям свет дарила кроткий.
И ты нежна была, как сон,
Тиха, как еле слышный стон,
Слаба, как этот штрих нечеткий.

Теперь ты скорбным прахом стала,
И юная твоя краса,
Как обреченная роса,
Исчезла вдруг и отблестала.
Ты мир покинула земной,
Как с поля сходит снег весной.
Что ж, отдохни! Ты так устала.

Лед под нещадным солнцем тает,
Ломаясь, будто бы стекло.
Что делать? Время истекло!
Но как тебя нам не хватает!
Ах, ты умчалась навсегда,
Быстрее, чем ветер, чем вода!
Пусть среди нас твой дух витает!

Ты вознеслась, как струйка дыма,
Как эхо, отзвучала ты.
И, наподобие мечты
Прошедшей, ты невозвратима.
О, неужель злосчастный день
Сгубил, как солнце губит тень,
Тебя, что столь была любима?

Невосполнимая утрата!
Зачем же ты уходишь прочь,
Как дождь, как снег, как день, как ночь,
Как дым, пыль, прах, как луч заката,
Как зов, стон, крик, плач, возглас, смех,
Боль, страх, успех и неуспех,
Как жизнь, как время, — без возврата?!

ПИРУШКА

Достопочтеннейшие гости!
На время трапезы хотя б
Свои гадания отбросьте:
Силен противник или слаб?
Когда и где на бранном поле
Мы нанесем удар врагу?..
Ей-богу, слушать это боле
Я не могу.

Чем бесконечно тараторить:
Разбой, чума, беда, война —
Предпочитаю с вами спорить
О вкусе дичи и вина.
Вино взогреет кровь густую,
Дичь взбудоражит аппетит,
И ночью муж не вхолостую
С женой проспит.

О, гнет дворцового режима! —
Набор ужимок, жестов, слов,
Которым чествовать должны мы

Монархов, канцлеров, послов!
О, тошнотворные беседы —
Неиссякаемый бассейн:
Валлоны, франки, немцы, шведы
И — Валленштейн!

Прочь с этой скучной дребеденью!
К нам в глотку просятся давно
Цыплята (что за объеденье!),
Жаркое, рыба, хлеб, вино!
Ну, господа, кто первым хочет
Обжечься сладостным огнем?
Хозяйка ждет. Вино клокочет.
Итак, начнем!

Перо мне отдалило¹ ухо.
К чертям перо! Давайте нож!
Какая будет заваруха!
Война объявлена! Ну, что ж!
Мои отважные солдаты!
Здесь милосердию места нет!
Вперед! За мной! На штурм салата!
Громи паштет!

Врага мы с флангов бьем и с тыла.
Что говорить! Удар не плох!
Пока жаркое не остыло —
На приступ! Взять его враспloch!
Ваш час настал, мозги коровьи!
Опустошительный разгром!
Мы жаждем мяса! Жаждем крови!
Мы хлещем ром!

Зубами яростно впивайся
В телячью погу и не трусь!
Эй, рябчик, плачь! Свинья, сдавайся!
А! Вот и ты! Попался, гусь!..
На дам вы начали бросаться!
Они милы, нежны, но все ж
Умеют драться и брыкаться!
Не подойдешь!

Когда б в Штральзунде, в Ля-Рошели
Стократ хваленные войска
Так штурмом брать форты умели,
Как мы берем окорока,
Когда могли бы те солдаты
Глушить врага, как мы — вино,—
Все укрепления были б смяты
Давным-давно.

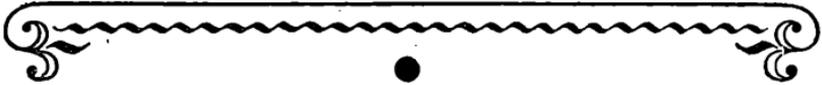
Подсыпь порохового перца!
Добавь-ка соли! Поживей!
Ага! Огонь допер до сердца!
Я рапен, кажется? Ей-ей!
О! Я гляжу, и вас задело?
Чем жженые раны утолить?
Давайте! Раз такое дело —
Налить! Налить!

Виват! Виктория! Победа!
Дымятся жерла жарких ртов.
Взята фортеция обеда!..
Ну, братцы, я совсем готов.

Хоть под столом, хоть под забором
Свалюсь до самого утра.
Но на прощанье грянем хором:
Ура!.. Ура!..

Ха-ха! Чудовище морское!
Ты слон! Нет, муха! Тсс... Молчу...
Гром! Ливень! Грохот! Что такое?
Гоните в окна саранчу!
Целуй! Люби! Терпеть нет мочи!
Я весь горю, как маков цвет...
Все это — вздор. Спокойной ночи!
Гасите свет!

...Когда к утру поплыли свечки
И уползла ночная тень,
Мои смиренные овечки
Встречали храпом новый день.
Что ж, коли так — пусть спят бедняги!
А пира дружеского хор
Увековечит на бумаге
Ваш Филодор.

Фридрих фон Шлее

КСАВЕРИЙ

Он решил уплыть к японцам,
Некрещеных просвещать.
И тогда под нашим солнцем
Все взялись его стращать:
«Ах, беда! Ах, горе, горе!
На себя ты смерть навлек!
Чересчур свирепо море!
Слишком этот путь далек!..»

Но в спокойствии суровом
Он собратьям отвечал:
«Верным рыцарям Христовым —
Не помеха грозный шквал.
Ветр огонь Любви раздует,
Предвещая ей успех.
Если ж море негодует —
Волны к небу ближе всех!

В ваших жалких уговорах —
Слабодушье и разврат.
Не страшны свинец и порох
Волевым сердцам солдат.
Эти ружья, пики, шпаги,
Этот хриплых пушек бас —
Возбудители отваги,
А не пугала для нас!

Пусть рога острей паточат
Воля громадные быки,
Море синее всклокочат
В беге наперегонки!
Все четыре части света
Окунутся в шквал морской.
Тишина — беды примета.
Грохот бурь сулит покой.

Кто страшится в ураганах
Все невзгоды претерпеть,
Пусть не тщится в дальних странах
В добром деле преуспеть.
Кто в волнах, вдали от суши,
В силах все перенести,—

Только тот способен души
Обездоленных спасти!

Эй, стони, свирепствуй, море!
Ветер, яростней реви!
Испытаете вы вскоре
Стойкость истинной Любви!
Души, верой воспылайте!
Буря воеет все сильней!
Рвутся в бой ладьи... Седлайте
Деревянных сих коней!..»

ПРОШЛА УГРЮМАЯ ЗИМА...

Прошла угрюмая зима —
Трезвоном полон воздух.
И снова крик да кутерьма
В оживших птичьих гнездах.
Под звон и свист
Пробился лист
Из каждой почки клейкой.
В игре лучей
Бежит ручей
Серебряною змейкой.

Летит вода с отвесных скал,
Чтоб, рухнув, расколоться
На сотни крохотных зеркал,
На горные колодцы.
О, этот визг
Летящих брызг!

О, этот тихий лепет
Ручья сквозь сон!..
Как робок он
И как великолепен!

Ватагой нимф окружена,
Выходит из тумана,
В зеленый плащ обряжена,
Охотница Диана.
Колчан и лук...
Зовущий звук
Охотничьего рога.
Прыжок в седло,
И — понесло!
И не трудна дорога.

Дохнуло лето ветерком,
Досада в сердце тает,
И каждый юноша верхом
На облаке летает.
И тут и там —
Весенний гам,
Переизбыток смеха.
И даже зпой
В тени лесной
Веселью не помеха.

Свирели трелится мотив!
Певцы в лесной капелле
Щебечут, ветви превратив
В поющие качели.
Крылом взмахнут,
Передохнут

И снова хороводят,
И, как смычком,
Любым сучком
Волшебник ветер водит.

И, кажется, что естество
Земли преобразилось:
Беспечность... Хохот... Баловство...
Все в радость погрузилось.
Лишь я один
В кольце кручин
Гляжу на мир окрестный,
Судом времен
Приговорен
Навечно к муке крестной...

Юлиус Цинкгреф

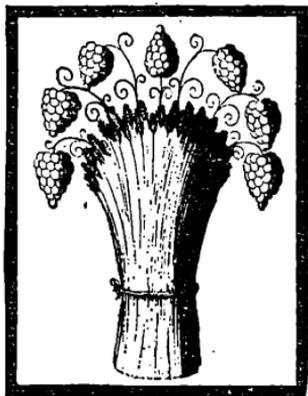
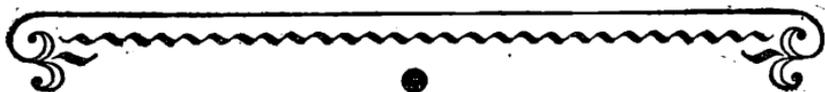
ОБ ИЗМЕНЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Ах, что за времена!.. Смятенье и тревога!
Как в лихорадочном я пребываю сне.
Взбесились друг и враг. Отечество — в огне.
Все злее алчет Марс кровавого налога.

Но в эти дни терплю я от другого бога.
Не только Марс — Амур призвал меня к войне:
Моя возлюбленная изменила мне!
Проклятье двух богов! Нет, это слишком много!

Все отняла война. Но мы еще вернем
И дом и золото со временем обратно.
И лишь возлюбленной утрата безвозвратна.

Когда б Амур ее зажег былым огнем,
Я свыкся бы с бедой, смирился бы с войною,
И все, что хочет, Марс пусть делает со мною!

Мартин Опиз,

ПЕСНЬ ОБ ОТЧИЗНЕ

Вперед, сыны земли родимой,
Вперед, священный пробил час!
Отваги истинной — не мнимой
Свобода требует от вас!
Коль нет пути для примиренья,
Коль другом враг не может стать,
Нужны порыв, бесстрашье зренья,
Душа бойца, мужская стать!

При этом ведают герои,
Что вовсе не слепая месть
Умножит наши силы втрое,
А разум, искренность и честь.
И победит в бою кровавом
Не сабель большее число,
А убежденность в деле правом,
Чтоб дух к вершинам вознесло!

Свое мы видим превосходство
Не только в прочности кирас:
Ума и сердца благородство —
Оружье верное для нас.
И, направляючись в сраженье,
Мы трижды вознаграждены
Тем, что от бездн пораженья
Святым крестом ограждены!

Нет, нас всевышний не оставит!..
Но как еще ужасен гнет!
Какая боль нам сердце давит!
Как наша родина гниет!
Судьбе доверившись всецело,
Должны мы истину узреть:
Сметем все то, что перезрело,
И то, что не должно созреть!

Так в бой, сыны земли родимой!
Так в бой! Священный пробил час!
Отваги истинной — не мнимой
Свобода требует от вас!
Коль нет пути для примиренья,

Коль другом враг не может стать,
Нужны порыв, бесстрашие зренья,
Душа бойца, мужская стать!

БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Когда б вы повстречали
Под нашею луной
Страдальца, что в печали
Сравнился бы со мной
И был бы так обижен,—
Я молвил бы в ответ:
Здесь, средь прирейнских хижин,
Меня несчастней нет!

О тяжкая невзгода!
Я свой удел кляню:
Уже не меньше года
Я у любви в плену.
Уже не меньше года,
Как с нею я знаком.
В тюрьме — души свобода,
Рассудок — под замком.

Так что же делать надо?
Где сил моих запас?
Где то овсчье стадо,
Которое я пас?
Лишь я ее увидел,
Я отчий дом забыл
И все возненавидел,
Что некогда любил.

Я не пашу, не сею
И не пасу овец,
А только брежу ею,
И скоро мне конец.
Себя грызу, терзаю,
Ее кляню в сердцах,
Чье имя вырезаю
В лесу на деревцах.

Забыв питье и пищу,
Как будто сам не свой,
Крадусь к ее жилищу,
Что к бездне роковой.
Злосчастная судьбина!
Погибла жизнь моя.
Мне край родной — чужбина
И я — уже не я.

Но та, что истерзала
Больную грудь мою,
Ни разу не слыхала,
Как я о ней пою.
Меж тем — скрывать не буду —
Мой песенный укор
Давно звучит повсюду
Вплоть до Карпатских гор.

Куда ни привела бы
Меня моя тропа —
Выходят девки, бабы,
Сбегается толпа.
И дружно подпевает
Мне чуть ли не весь свет.

А сердце изнывает:
Ее со мною нет!..

Зачем мне песни эти?
Я лучше замолчу.
На целом белом свете
Одной я петь хочу!
Смогла в нее вместиться
Вся божья благодать.
Любви ее добиться —
Вселенной обладать!..

К НОЧИ И К ЗВЕЗДАМ

Скажи мне, ночь, зловещей чернотою
Окутавшая доли и хребты,
Ужель пред этой юной красотою
Себя самой не устыдишься ты?!

Скажите, звезды, лунными ночами
Глядящие с заоблачных высот,
Что значит свет ваш пред ее очами,
Чей ясный свет до неба достает?!

От этого пылающего взора
Вы, с каждою минутой все бледней,
Погаснете, когда сама Аврора
Зардеется смущенно перед ней,

РОЕТА ¹

Кто со временем поспорит?
Не пытайтесь! Переборит!
Всех и вся в песок сотрет!
Рухнет власть и та и эта.
Но одно лишь: песнь поэта —
Мысль поэта — не умрет!

ОБРАЗЕЦ СОНЕТА

Вы, небеса, ты, луг, ты, ветерок крылатый,
Вы, травы и холмы, ты, дивное вино,
Ты, чистый ручеек, в котором видишь дно,
Вы, нивы тучные, ты, хвойный лес мохнатый,

Ты, буйный сад, цветами пышными богатый,
Ты, знойный край пустынь, где все обожжено,
Ты, древняя скала, где было мне дано
Созвучие вплести в мой стих витиеватый,—

Поскольку я томим любовною истомой
К престестной Флави, досель мне незнакомой,
И только к ней стремлюсь в полночной тишине,

Молю вас, небеса, луг, ветер, нивы, всходы,
Вино, ручей, трава, сады, леса и воды,
Всех, всех молю вас: ей поведать обо мне!

¹ Поэт (лат.).

ПРЕСЫЩЕНИЕ УЧЕНОСТЬЮ

Я тоскую над Платоном
Дни и ночи напролет,
Между тем весна поет
За моим стеклом окнным,
Говорит она: «Спеши
Вместо шелеста бумаги
Слушать, как звенят овраги!
Ветром луга подыши!»

Многомудрая ученость!
Есть ли в ней хоть малый прок?
Отвратить никто не смог
Мировую обреченность.
Роем взмыленных гонцов
Дни бегут, мелькают числа,
Чтобы нам без чувств, без смысла
В землю лечь в конце концов.

Эй, ты, юноша, глубоко
Объяснивший целый мир,
Объясни мне: где трактир
Тут от вас неподалеку?
До тех пор, покуда мне
Нить спрядет старушка Кло́то,
Утоплю свои заботы
В упоительном вине!

Вот оно — бурлит в кувшине!
Можно к делу приступить.
Да! Совсем забыл!.. Купить
Надо сахару и дыни.

Обладатель сундуков,
От сокровищ ошалевши,
В кладовых торчит не евши.
Наш обычай не таков!

Грянем песню! Выпьем, братья!
О стакан стакан звенит.
И пьянит меня, пьянит
Жизни светлое приятье!
Груды золота ценней
Провести с друзьями ночь!
Пусть умру я в одиночку —
Жить хочу в кругу друзей!

STA VIATOR¹

Слепые смертные! Какая сила тянет
Вас в обе Индии? Что разум ваш дурманит?
Ах, если б знали вы, как много новых бед
И сколько новых войн сулит нам Новый Свет!
Отчизну променять на золотые слитки?!
Да вот же золото! Оно у нас в избытке!
Опомнитесь! — земля взывает к вам с тоской.
Добро, богатство, власть — здесь, дома, под рукой.

ЗЕРЦАЛО МИРА

Недаром человек умней любого зверя:
Потеря времени — тягчайшая потеря.
И это осознав, стремится человек

¹ Остановись, странник (лат.).

Люблю, кого хочу! Хочу, кого люблю я!
Играя временем, себя развеселю я:
День станет ночью мне, а ночь мне станет днем,
И сутки я могу перевернуть вверх дном!

Прочь рассудительность! Прочь постные сужденья!
В иных страданиях таятся наслажденья,
А во вражде — любовь. Ну, а в любви — вражда.
В работе отдых. Отдых же — порой трудней труда.

Однако, приведя столь яркие примеры,
Я остаюсь рабом и пленником Венеры,
И средь ее садов, среди волшебных рош
Я чувствую в себе свободу, радость, мощь!

ПЕСНЯ

Любовь моя, не медли —
Пей жизни сок!
Повременишь — немедля
Упустишь срок.

Все то, чем мы богаты
С тобой сейчас,
В небытие когда-то
Уйдет от нас.

Поблекнет эта алость
Твоих ланит,
Глаза сомкнет усталость,
Страсть отзвенит.

И нас к земле придавит
Движенье лет,
Что возле губ оставит
Свой горький след.

Так пей, вкушай веселье!
Тревоги прочь,
Покуда нас отселе
Не вырвет ночь.

Не внемли укоризне —
И ты поймешь,
Что, отдаваясь жизни,
Ее берешь!

СРЕДЬ МНОЖЕСТВА СКОРБЕЙ

Средь множества скорбей, средь подлости и горя,
Когда разбой и мрак вершат свои дела,
Когда цветет обман, а правда умерла,
Когда в почете зло, а доброта — в позоре,

Когда весь мир под стать Содому и Гоморре,—
Как смею я, глупец, не замечая зла,
Не видя, что вокруг лишь пепел, кровь и мгла,
Петь песни о любви, о благосклонном взоре,

Изяществе манер, пленительности уст?!
Сколь холоден мой стих! Сколь низок он и пуст,
Для изможденных душ — ненужная обуза!

Так о другом пиши! Пора! А если — нет,
Ты — жалкий рифмоплет. Ты — больше не поэт,
И пусть тебя тогда навек отвергнет муза!

ЖАЛОБА

Любимая страна, где мера нашим бедам?
Какой из ужасов тебе еще не ведом?
Ответствуй: почему за столь короткий срок
Твой благородный лик так измениться смог?

Ты издавна была достойнейшей ареной
Для подвигов ума, для мысли вдохновенной.
Ах, не тебе ль вчера народы всей земли
Признательности дань восторженно несли?

Теперь восторг утих... Земле и небу нáзло
Ты предпочла войну, ты в грабежах погрязла.
Где мужество мужей? Где добродетель жен?
Безумием каким твой разум поражен?

Вглядишься в толпу сирот: что горше их печали?
Не только от меча отцы несчастных пали:
Кто смерти избежал, не тронутый в бою,
В бараке для чумных окончил жизнь свою.

Да, самый воздух наш таит в себе отраву!
Болезнь и мор вершат повальную расправу,
Терзают нашу плоть, из сердца кровь сосут.
Увы! Ни меч, ни щит от них нас не спасут.

Злодейская война растлила мысль и чувство.
Так вера выдохлась, в грязи гниет искусство,
Законы попорнаны, оплеваны права,
Честь обесчещена и совесть в нас мертва.

Мы словно отреклись от добрых нравов немцев,
Постыдно переняв повадки чужеземцев.
С нашествием врага из всех разверстых врат
К нам хлынули разбой, распутство и разврат.

Кто в силах вытерпеть падение такое
И угодать войне, себя не беспокоя,
Тот посит лед в груди, тот дьяволом влеком,
Тот вскормлен тиграми звериным молоком!

ВЕЗУВИЙ

Прошелся по стране — от края и до края —
Безумный меч войны. Позорно умирая,
Хрипит Германия. Огонь ее заглох.
На рейнских берегах растет чертополох.
Смерть перекрыла путь к дунайскому верховью.
И Эльба, черною окрашенная кровью,
Остановила бег своих угрюмых вод.
Свобода в кандалах. Над ней тюремный свод.
О помощи она, страдальица, взывает.
А между тем война все глубже меч вонзает
В грудь бедной родины. На запад, на восток
Вновь хлынул с трех сторон нашествия поток.
Мир, словно беженец, оставшийся без крова,

Приюта не найдет... А зарево — багрово,
И пепел над землей кружит, как серый снег.
О, где тот золотой, тот безмятежный век,
Когда не грабили друг друга и не гнали
Народы?.. Даже слов они таких не знали —
«Мое» или «твое», все поровну деля.
А ныне пиками щетинится земля,
Сокрыла свет дневной кровавая завеса...
Сравнится ль с этим злом гнев самого Зевеса,
Везувий может ли нанести такой урон,
Когда он, словно вепрь, свиреп и разъярен,
Кидается на мир пылающею лавой,
Как бешенство людей, как меч войны неправой?!
Никто не причинял столь пагубных утрат!
Мы злее, чем вулкан. Коварней во сто крат:
Мы грома бередим и с молниями шутим,
Пугаем небеса и море баламутим,
Мы — смерти мастера. Нам славу принесло
Уменье убивать, Смерть — наше ремесло.
Мы разумом бедны и чувством оскудели,
Зато мечом, копьем и пикой овладели.
Огня любви в сердцах разжечь мы не смогли,
Зато в огне войны Германию сожгли,
Заткнули правде рот и в иступленье диком
Мы огласили мир звероподобным рыком,
Сквозь горы мертвых тел прокладывая путь,
С преступного пути мы не хотим свернуть!
Мы в слепоте под стать циклопам одноглазым...
Когда же наконец восторжествует разум?
Когда вернется к нам любовь и честный труд?
О, наши имена потомки проклянут,
Поглотит нас вовек унылое забвенье!
В небесных знаменьях пылает откровенье:

Предвестник гибели — ночных комет полет!
Свирепая земля в нас пламенем плюет,
Природа адский жар вдохнула в грудь вулканам,
И мы обречены. Мы смяты великаном!
Ужель спасенья нет? И что нам предпринять?
На то один ответ: вулкан войны унять!
А иначе на жизнь мы не имеем права!
Одумайтесь! Хоть раз все рассудите здраво!
Ужель вас не страшит вид этих пепелищ,
Сознание того, что край наш гол и нищ,
Что храмы взорваны, что вечных книг страницы
Должны (о, варварство!) в прах, в пепел превратиться?..
О небо! Дай узреть нам сладостную явь!
От пагубы войны немецкий край избавь!
Во славу родины и господу в угоду
Дозволь нам утвердить на сей земле свободу,
Дабы, господнею спасенные рукой,
Внесли мы в каждый дом жизнь, счастье и покой!

ПРОГУЛКА

А радость-то какая!..
Среди долин и гор
Поет, не умолкая,
Веселый птичий хор.

Завидую вам, птички,
Что, радуя сердца,
В свободной переключке
Вы славите творца!

Завидую вам, птахи,
Слагая этот стих:
Неведомы вам страхи
И вздор надежд пустых...

ПОГИБЛА ГРЕЦИЯ

Погибла Греция, в ничтожестве пропала.
Война сей гордый край пришибла, истрепала.
Есть слава, счастья — нет, хоть драгоценный прах
Прекрасной Греции народы чтут в веках.
Да что! Что пользы им в том поклоненье громком
Руинам прошлых лет, безжизненным обломкам?!

СЛОВО УТЕШЕНИЯ СРЕДЬ БЕДСТВИЙ ВОЙНЫ

Опять пришла беда... Куда ж теперь податься,
Чтоб отдых отыскать и скорби не поддаться!
Да и о чем скорбеть? Ах, как тут ни крути —
Любой из нас уйдет. Все смертны. Все в пути.

Не лучше ль, отрешась от скорби узколобой,
Рассудком вознестись над завистью и злобой,
Чтоб нас не била дрожь, как маленьких детей,
Которых масками пугает лицедей?

Ведь все, что нас гнетет, — такие же личины:
Невзгоды, ужасы, болезни и кончины,
А счастье, из мечты не превратившись в быть,
Нахлынет, как волна, и — разлетится в пыль.

Все это — сон пустой!.. И до чего ж охота
Средь брешности найти незыблемое что-то,
Что не могло б уйти, рассыпаться, утечь,
Чего вовек нельзя ни утопить, ни сжечь.

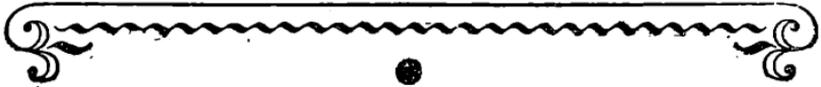
Разрушит враг твой дом, твой замок уничтожит,
Но мужество твое он обстрелять не может.
Он храм опустошит, разрушит. Что с того?
Твоя душа — приют для бога твоего.

Пусть угоняют скот,— благодаренье небу,
Остался в доме хлеб. А не осталось хлеба —
Есть добродетели спасительная власть,
Которую нельзя угнать или украсть.

Преследованью, лжи, обиде и павету
Не одолеть, не взять святую крепость эту.
Она как мощный дуб, чья прочная кора
Способна выдержать удары топора.

На крыльях разума из темной нашей чаши
Она возносится над всем, что преходяще.
Бог чтит ее одну. Ей велено судьбой
Быть нам владычицей и никогда — рабой!

С чего же мы скорбим, неистовствуем, плачем,
Раз в глубине сердец сокровище мы прячем,
Что нам дано навек — не на день, не на час,
Что никаким врагам не отобрать у нас?!

Роберт Робертин

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Сойдя с заоблачных высот
В круг бытия земного,
Весна-красавица несет
Свои улады снова.

И снова зелено в лесах,
Луг блещет пестротой,
А тучи светят в небесах
Каемкой золотою,

Цветная радуга горит,
И лед на реках сломан,
И в рощах праздничных царит
Счастливый птичий гомон.

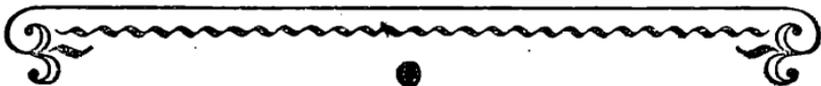
Волшебной песнею своей
Мир веселят огромный
Днем ласточка, а соловей —
Прохладной ночью темной.

В лугах — стада, в садах — цветы,
В ручьях, в озерах — рыбки,
Весь мир исполнен доброты,
Надежды и улыбки.

Лишь человек, кого господь
Избрал венцом творенья,
В себе не может побороть
Неудовлетворенья!

Ничто его не тешит взор,
Дух не бодрит уставший...
Палач, себя казнивший! Вор,
Себя обворовавший!

Как голова его седа,
Как глубоки морщины!..
Он видит Страшного суда
Грядущие картины.

Фридрих Логау

ИЗРЕЧЕНИЯ И ЭПИГРАММЫ

Знатное происхождение

«Наши деды — палладины!»

«Наши предки — короли!»

В чем-то, впрочем, все едины:

Все — от матери-земли.

Отважная честность

Что значит в наши дни быть баснословно смелым?
Звать черным черное, а белое звать белым,

Чрезмерно громких од убиѣству не слагать,
Лгать только по нужде, а без нужды не лгать.

Д е п ь г и

И старец и юнец — все алчут золотых:
Один, чтобы копить, другой — чтоб тратить их.

П р а в о и б е с п р а в ь е

Служитель права прав, когда страшится права,
А то и на него отыщется управа:
Давно бы окошел без жалованья он,
Когда бы все блюли порядок и закон.

Н е м е ц к а я р е ч ь

Германия бедна... О, горестный удел!
Немецкий наш язык настолько оскудел,
Что у французского он занимает ныне.
(Перимский Рим погиб с погибелью латыни.)
В слабеющую речь, что теплится едва,
Испанские ползут и шведские слова.
Как признак тяжкого и злого нездоровья,
Немецкий сохранил одни лишь славословья.
Во всем же остальном — заемной речи груз.
Усилиями почти немых немецких муз
Живой язык еще звучит в стихах поэтов,
Еще порой блеснет в строках иных сонетов,
Но оголтелый Марс, воздев кровавый меч,
Терзает нашу мысль, пытается нашу речь,
И делает ее безликой, бездуховной
В разорванной стране, бесправной и бескровной.

Исполнение желаний

Все то, о чем мечтал, к чему всю жизнь стремился,
Посредством смерти я в конце концов добился:
Я умер на войне и приобрел свой дом,
И ни война, ни смерть меня не тронут в нем.

Стыдливый век

Наш славный век — венец времен —
Своей стыдливостью силен:
Бежит он, как от прокаженной,
От правды, слишком обнаженной.

Дружба и вино

Дружба возле винной бочки
Не длиннее пьяной ночки.

Власть

Ты мог бы управлять провинцией любой,
Когда бы управлять ты мог самим собою.

Война и мир

Война — всегда война. Ей трудно быть иною.
Куда опасней мир, коль он чреват войною.

Наставление

Как должен жить твой сын, мужчиной стать готовясь?
Сначала стыд забыть, затем отбросить совесть,
Лишь самого себя считать за человека —
И вырастет твой сын достойным сыном века.

Н а ш и п е с н и

Звучат в иной германской саге
Напевы дедовской отваги.
Но что к тебе, мой дальний внук,
Дойдет из бездны наших мук?
Вопль иступленья, посвист плети —
Вот песни нашего столетья.

Ж и т е й с к а я м у д р о с т ь

Быть одним, другим казаться,
Лишний раз глухим сказатьсь,
Злых, как добрых, славословить,
Ничему не прекословить,
Притворяться, лицемерить,
В то, во что не веришь, — верить,
Чтоб не влипнуть в передряги,
О своем лишь печься благе, —
И, хоть время наше бурно,
Сможешь жизнь прожить недурно.

С л у ж е н и е м у з а м

Может быть, читатель мой, пожалев меня, беднягу,
Молвит: «Что за крест такой, день за днем марать
бумагу!»
Ах, когда б он знал о том иль увидел бы воочью:
Все, что он читает днем, я мараю ночь за ночью!

П о б е д а н а д с о б о й

Да, бой с собой самим — есть самый трудный бой.
Победа из побед — победа над собой.

Симон Дах

АНКЕ ИЗ ТАРАУ

Анке из Тарау — свет моих дней.
Все, чем я жив, заключается в ней:

Анке из Тарау — сердце мое,
Честь и богатство, еда и питье.

Пылким доверьем меня проняла,
Страсть мою, боль мою — все приняла.

Может весь мир провалиться на дно —
Мы порешили стоять заодно.

В муках, в тоске, среди тревог и утрат
Сила любви возрастет во сто крат.

Выдержав натиск несметных ветров,
Крепнет деревьев зеленый покров.

Так и любовь, закаленная злом,
Нас неразрывным связует узлом.

Если уйдешь ты однажды туда,
Где даже солнца не ждут никогда,—

Я сквозь беду побреду за тобой
Сквозь лед, сквозь железо, сквозь смертный бой:

Иль ты мне жизни самой не родней,
Анке из Тарау — свет моих дней?

ЦЕНА ДРУЖБЫ

Что нам всего присущей,
Что краше всех прикрас?
То дружбы свет, живущий
Вовек в сердцах у нас.
Какое это счастье —
Любви и дружбы жар,
Душевное участие,
Нам посланное в дар!

Нам речь для доброй цели
Дала природа мать,
Чтоб мы всегда умели
Друг друга понимать.
В сердечном разговоре,
Что с другом друг ведет,
Любое стихнет горе,
Любая боль пройдет.

Нет проку веселиться
С собой наедине:
С друзьями поделиться
Отраднее вдвойне!
Кто этого не может,
Кто лишь с собой знаком,
Того печаль изложет
Могильным червяком.

Друзья! Я рад безмерно,
Что есть вы у меня.
О, я без вас, наверно,
Не прожил бы и дня!
Любовью неизменной
Люблю друзей своих.
На золото вселенной
Не променяю их!

ПРИГЛАШЕНИЕ К ВЕСЕЛЬЮ

Мельканье дней, движенье лет...
Как будто бы крылаты,
Летят — и удержу им нет.
Эй, время, стой! Куда ты?!

Старуха смерть, заждавшись нас,
Проворно косу точит...
Глупец лишь мнит, что смертный час
Тоска ему отсрочит!

Даниэль Челко

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Одно — в другом

Мгновенье — в вечности, во тьме ночной — зарю,
В безжизненности — жизнь, а в людях — бога зрю.

Предателю

Само предательство, боюсь, не слишком ценит
Того, кто предает: продаст или изменит.
Хоть, как предатель, он предательством любим,
Опасен он ему предательством своим.

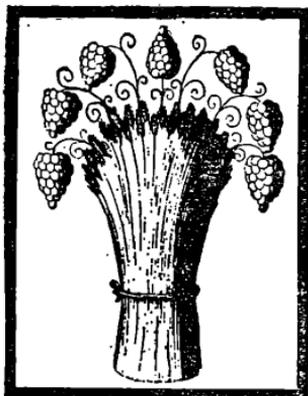
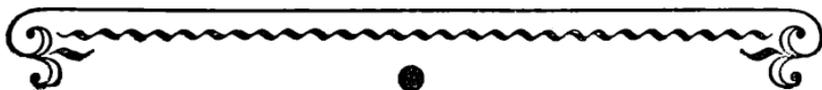
З а т я ж н а я в о й н а

Князья всё новые кидают в битву рати,
Не думая о том, что будет в результате:
Властители без стран, а страны без господ,
И хлеба и жилья лишившийся народ.

На погребение своего пера
Любимое перо сегодня хороня,
Скажу: нет сил терпеть нам этих шведов боле!
Прощай, мое перо, и стань добычей моли,
Как мы становимся добычею огня!

ФРАГМЕНТ

Отчизна — там, где чтут законность и свободу.
Но этого всего мы не видали сроду.
Что там ни говори, окончивши войну,
Лжемиру продали мы отчую страну,
И погрузились в сон, и разумом ослепли.
Но все ж святой огонь свободы зреет в пепле,
Нет! Кровью никакой не погасить его,
Как бога не изгнать из сердца твоего!..

Пауль Гергардт

ЛЕТНЯЯ ПЕСНЬ

Воспрянь, о сердце, выйди в путь,
Дабы восторженно взглянуть
На чудеса господни,
На зелень рощ, садов и нив,
На то, как этот мир красив,
Нам отданный сегодня!

О, как шумят над головой
Деревья пышною листвою,

Как солнечны поляны!
А как пылают и горят,
Надевши праздничный наряд,
Нарциссы и тюльпаны!

Привольно ласточка поет,
Свободен голубя полет
Высо́ко, над лесами!
А вот кудесник соловей
Волшебной песнею своей
Роднит нас с небесами.

Полна природа дивных сил!
Гнездо прилежный аист свил,
Не ведающий лени.
Наседка вывела цыплят...
А как мне душу веселят
Проказники олени!

Между камней ручей бежит,
В воде колеблется, дрожит
Деревьев отраженье.
И даль прозрачна, даль тиха,
И только флейты пастуха
Вдали услышишь пенье.

А э́тих пчел жужжащий рой!
Ненастной зимнею порой
Познаем сладость меда!
И виноградный зреет сок...
Всех, всех, когда настанет срок,
Попотчует природа!

Ты посмотри: из-под земли
Колосья буйно проросли.
Знак — добрый, не случайный!
Возликовали стар и мал:
Всевышний людям даровал
Год сытный, урожайный.

И то, что вижу я вовне,
Все отзывается во мне
Единственным порывом:
Свершить достойное!.. Успеть
Мощь вседержителя воспеть
В стихе неприхотливом.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ

Леса, поля уснули.
Во сне глаза сомкнули
Скот, люди, города.
Лишь мысль, что ум тревожит,
Забиться сном не может:
Ей нет покоя никогда.

День суетный улегся.
Вновь звездами зажегся
Бескрайний небосвод.
Когда же из неволи,
Из сей земной юдоли,
Меня всевышний призовет?

Вновь после дня тревоги,
Вкушают руки, ноги

Целительный покой.
Когда ж ты, правый боже,
И сердце мое тоже
Спасешь от суеты мирской?

Бесплодным занят делом,
Как изнемог я телом,
Когда б ты знал, творец!
Валюсь в постель, бессильный,
Когда же сон могильный
Меня охватит наконец?

Молю о сердцу милых,
Чтоб ты, господь, хранил их
От черных бед лихих!
Ночь пагубу рождает.
Так пусть нас ограждает
Сонм светлых ангелов твоих.

МОЛЕНИЕ О ДРУЖБЕ

В мире грязном и угрюмом
Дружбой мы не дорожим,
Водим дружбу с толстосумом,
Прочь от бедного бежим.
Ах, вы баловень удачи?
Что ж! Прекрасно!.. А иначе
Первый друг и брат родной
Повернутся к вам спиной...

Я охвачен думой грустной.
Бог, меня ты не оставь!

От расчетливости гнусной
Грешный разум мой избавь.
Если ж, небу в поношенье,
Впал я в злое искушенье,
Сбился с верного пути —
Образумь и просвети!

Дай мне сердце, чтоб пылало
Бескорыстной добротой,
Чтоб любить не уставало
Даже проклятых тобой,
Чтобы я их не чурался,
Чтобы истово старался
Быть опорой для них —
Угнетенных и нагих.

Встречу ль смертную обиду
Или хлынет кровь из ран,
Пусть мне будет, как Давиду,
Послан мой Ионафан.
Хоть судьба неумолима,
С другом все преодолимо.
Он — мне пастырь, он и врач
Средь удач и неудач.

Посох в жизненной дороге,
Богом данный для того,
Чтоб, когда слабеют ноги,
Опереться на него.
Тот, кто посох этот бросит,
Пусть о милости не просит,
До скончания времен
Одиночеством казнен!..

ПЕСНЬ УТЕШЕНИЯ

И все ж не бейся, не стони,
Не упивайся злобой,
В потоке слез не утони,
А выдержать попробуй
Среди потерь, среди тревог!
Пусть будет так, как хочет бог,
А он ведь зла не хочет!

Скажи, неужто в первый раз
Ты маешься в печали?
Иль каждый день и каждый час
Нам жизнь не омрачили?
В несчастьях тянутся года.
Но выпадают иногда
И светлые минуты.

Нам предназначив крестный путь,
Чтоб души нам исправить,
Господь не думает отнюдь
Навеки нас оставить.
Мученья наши — оттого,
Что *мы* покинули его!
И мы к нему вернемся!

В грехах погрязнув, наша плоть
Взыскует наслаждений,
И обойтись не мог господь
Без предостережений!
Земные, мы, забыв о нем,
Мечтаем больше о земном
И меньше — о небесном.

Напомнил божий приговор,
Что все мы преходящи,
Чтоб посему и к небу взор
Мы обращали чаще
И чтобы, будучи людьми,
Себя мы божьими детьми
При этом ощущали.

Так верь же, верь же в торжество
Его всесветной власти,
Чтоб милосердие его
Вкусить в лихой напасти.
Земля погибнет, мир падет,
Но только тот не пропадет,
Кто не утратит веры.

А если кажется порой,
Что не придет подмога,
Свой тяжкий грех молитвой вскрой
И уповай на бога.
Ведь он всемогущ, а не мы,
И наши бедные умы
Всего не понимают.

Уверуй: там, среди небес,
Не дремлет наш спаситель.
И полн таинственных чудес
Сей мир — его обитель.
С большой души он снимет гнет:
Возьмет, что дал, что взял — вернет,
Дарует утешенье!

ПЕРЕД РАСПЯТИЕМ

О, слабость, о, недужность,
О, муки без конца!
О, горькая ненужность
Тернового венца!
Мертвы глаза, любовью
Сиявшие светло,
И выпачкано кровью
Высокое чело.

О ты, чей голос вечен,
Источник доброты,
Как больно изувечен,
Распят, унижен ты!
Какая злая сила
В какой злосчастный час
Преступно погасила
Свет, озарявший нас?

Горят кровоподтеки
Над раною сквозной,
Покрыты эти щеки
Смертельной белизной,
Той бледностью смертельной
От долгих мук твоих.
И в скорби беспредельной
Ты навсегда затих...

Гляжу — и без боязни
Все сознаю сполна:

В твоей ужасной казни
Есть и моя вина.
Стою перед тобою,
О, скорбный лик Христов,
И вынести любое
Возмездие готов.

Прими меня, Спаситель,
В раскаянье моем!
Твой рот меня насытил
Блаженнейшим питьем.
Небесную усладу
Твой дух мне ниспослал,
Хранил, делея, смладу
От пагубы спасал.

Поверь мне и отныне
С тобою быть дозволю.
Я при твоей кончине
Твою утишу боль,
Когда в последнем стоне
Ты встретишь смерть свою,
Я подложу ладони
Под голову твою.

То — дело высшей чести,
То — божья благодать
Одним с тобою вместе
Страданием страдать.
Отраднa эта участь —
Твоим огнем гореть,
Твоею мукой мучась,
За правду умереть.

В деянии и в слове
Ты мне вернейший друг.
Лежит добро в основе
Твоих великих мук.
Ах, мужество и верность
Дай сердцу моему —
Я всех скорбей безмерность
Как должное приму.

Когда я мир покину,
Меня не покидай,
Когда навек остыну,
Свое тепло мне дай.
Своей незримой дланью
Тоску мою уйми,
За роковую гранью
К себе меня прими.

Пусть будет мне опорой
В смертельной маете
Тот чистый лик, который
Нам светит на кресте.
И этим светом чудным
Ты мне наполнишь грудь,
И станет мне нетрудным
Тогда последний путь.

ОДА
В ЧЕСТЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ МИРА

Итак, сбылось! Свершилось!
Окончена война!
Несет господня милость

Иные времена.
Труба, замри! Пусть лира
Ликует над толпой,
И песнь во славу мира,
Германия, запой!
Ты мерзла, ты горела,
Стонала на кресте —
И все же нет предела
Господней доброте!

Он пощадил неправых,
От кары грешных спас:
Ведь хмель побед кровавых
Доныне бродит в нас.
Мы, в муках задыхаясь,
Страдали поделом,
Но, испуленно каясь,
Мы одержимы злом
И на зверей похожи,
Во всем себе верны,
Так помоги нам, боже,
Избыть соблазн войны!

Пусть мир — глашатай счастья —
Стучит в любую дверь.
Какой он послан властью,
Мы поняли теперь.
Встречать его не выйдем,
В родство не вступим с ним —
Самих себя обидим,
Самих себя казним.
И подлым равнодушьем
Уже на сотни лет

Бессмысленно потушим
Любви и правды свет.

Ужель все было даром?
Стенанья наших вдов,
Объятые пожаром
Руины городов,
Разрушенные башни
Святых монастырей,
И выжженные пашни,
И пепел пустырей,
И рвы глухие эти —
Там, где погребены
Родные наши дети,
Любимые сыны?

Так оглянись, подумай,
Горючих слез не прячь.
Нет! Свой удел угрюмый
Безропотно оплачь!
Мы над судьбой, над богом
Глумились с давних пор.
Он в испытанье строгом
Нам вынес приговор,
Но изменил, прощая,
Тот приговор крутой,
К добру нас приобщая
Своею добротой.

Очнемся, пробудимся,
Переживем беду,
Навеки предадимся
Достойному труду.

Умолкни, глас гордыни!
Стремясь к иной судьбе,
Великий мир, отныне
Мы отданы — тебе!
Раскрой свои объятия
И страстно призови:
«Живите в мире, братья,
В покое и любви!»

Иоганн Рист

НА ПРИХОД ХОЛОДНОЙ ЗИМНЕЙ ПОРЫ

*Oda jambica*¹

Зима суровая настала,
Промчалась летняя пора.
Седая выюга разостлала
Подобье белого ковра.

Застыли сосны перелеска,
Мой бедный сад в снегах увяз.

¹ Ямбическая ода (лат.).

От металлического блеска
Полян замерзших режет глаз.

Что ж, коли так, необходимо
Дров наколоть, огонь разжечь,
Чтоб из трубы — побольше дыма,
Чуть уголька подбросить в печь.

Опустошая погреб винный,
Поймешь, сколь сладко в час ночной
Сидеть в натопленной гостиной,
Стакан сжимая ледяной.

И, пальцами коснувшись клавиш,
Ты, милый, ты, сердечный друг,
Блаженной музыкой убавишь
Напор и натиск зимних вьюг.

Шутить и куролесить будем,
Снедь и питье боготворя.
Но и красавиц не забудем:
Кто не любил, родился зря!

Ведь не зима, а старость злая,
И с ней, глядишь, к нам смерть грядет!
И ныне мы живем, не зная
О том, что всех нас завтра ждет.

А если так, то выпьем, братья!
Веселью предадимся мы!
Богоугодней нет занятия,
Чем пировать среди зимы!

ЖАЛОБА ГЕРМАНИИ

Как быть, что делать мне? Решиться не пора ли?
Веселье, радость, смех — все у меня украли.
Мой помутился разум,
Мой голос — хриплый вой.
Уж лучше кончить разом —
О камень головой!

Бездушными детьми мне вырыта могила.
Неужто я сама презренных змей вскормила?
Мой лик слезами залит,
Мне боли не унять!
Как змеи жгут! Как жалят
Свою родную мать!

Из раны кровь — ручьем... Я столько лет терпела...
Не высказать тоски, что к сердцу прикипела.
Вот рана пламенеет,
А сердцу нет тепла...
Язык деревенеет...
Я кровью истекла...

Услышь, земная твердь! Услышь, морей пучина!
Раздоры и война — скорбей моих причина.
Бушующее пламя
Всех может сокрушить,
Но злобой и мечами
Его не потушить.

Где верность? Где любовь? Где праведность и вера?
Устои сметены, порядочность — химера.
Немецкой кровью полнит

Простор земных широт...
О, как себя неволит
Мой собственный народ!

Долины и поля, под стать могильной яме,
Усеяны — увы! — немецкими костями.
Они снегов белее...
Усопшим не помочь.
Но я, о них болея,
Стенаю день и ночь...

Так чем нам заслужить господня милосердья?
Раскайся, мой народ! Плачь, не щадя усердья!
В слезах, забыв смущенье,
Раскрой свои сердца,
Чтоб выпросить прощенье
У нашего творца.

Вы ждете: я умру, не пересилив раны.
Но знайте, недруги: вам радоваться рано!
Для всех грядет конечный,
Неумолимый час.
Меня казнив, предвечный
Не пощадит и вас.

Но если вдруг господь мне ниспошлет свободу,
И снова мир вернет немецкому народу,
Все сделаю, чтоб всюду
Свет кротости светил,
И жизнь лелеять буду,
Покуда хватит сил!

ВЕЧНОСТЬ

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!
Оно, как меч, сверлит мне грудь,—
Нет ни конца ни краю...
Ах, вечность! Время вне времен!
Бреду, бедой обременен.
Куда бреду — не знаю...

Всему свой срок и свой черед:
Ослабнет горе, боль замрет,
Смирится бессердечность.
Но день за днем, за веком век
Свой буйный, свой бесцельный бег
Не остановит вечность.

Ах, вечность! Ты страшишь меня!
Здесь, среди крови и огня,
Я ужасом охвачен.
Скажи, наступит ли предел?
Иль этот роковой удел
Навек нам предназначен?

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!
Оно, как меч, сверлит мне грудь,—
Нет ни конца ни краю...
Ах, вечность! Время вне времен!
Бреду, бедой обременен.
Куда бреду — не знаю...

ХРИСТИАНСКИМ КНЯЗЬЯМ И ВЛАСТИТЕЛЯМ ГЕРМАНИИ,
С ПРИЗЫВОМ ЗАКЛЮЧИТЬ ЧЕСТНЫЙ МИР И ВОССТАНОВИТЬ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЛЮБОВЬ И ЕДИНСТВО

Когда же наконец война достигнет цели?
Когда ж в конце концов последует отбой?
Когда ж к нам здравый смысл вернется в самом деле?
Когда ж мы завершим убийство и разбой?
Когда ж мы сей пожар бессмысленный потушим?
Когда ж Германия развеет страшный сон?
Когда ж придет покой к измалывшимся душам?
Когда же, о когда мы Марсу скажем: «Вон!»?
Ну, а покуда все покрыто мглой и дымом,
И в зелень волн морских вмешался крови цвет,
И пушки грохотом своим неумолимым
Вещают вновь и вновь, что избавленья нет!
Остановись, о Марс! Иль, полагаешь, мало
Мы крови пролили, той, что всего ценней?!
Посевы сожжены, дома войной сломало,
Земля истоптана копытами коней.
Несчастливая страна, не ты ль была когда-то
Цветущею страной? И верно, не один
Здесь город высылся, построенный богато,
Где ныне — пустота пожарищ и руин...

Приди, желанный мир! Мы ждем твоей защиты.
Уставши до смерти, когда ж мы отдохнем?
Все двери для тебя в Германии открыты,
Все окна для тебя мы настезь распахнем.
О, что произойдет, когда умолкнут пушки
И отгремит для нас военная страда?
Вновь песни запоют влюбленные пастушки
И тучные, как встарь, начнут пастись стада.

Появятся опять коровы, овцы, козы,
Средь зелени лугов — о светлая судьба!
Распустятся сады, в них запыхают розы
И, радуя селян, в полях взойдут хлеба!
Всего не перечеть, что мир нам предвещает.
Безмерна власть его, пленительна краса...
Как жаль, что землю он так редко навещает
Что вечная его обитель — небеса!

Высокие князья, властители державы,
Той, что германскою и римскою зовут!
Верните людям мир! И дань бессмертной славы
Вам восхищенные народы воздадут!
Решайтесь! Пробил час! Господь повелевает
Раздоры, зависть, злость и алчность превозмочь.
Он вас, разрозненных, к сплоченью призывает,
Чтоб озверевший Марс в глухую канул ночь!
Родимая земля, отечество отваги!
Когда ж заблещет сталь, но не мечей, а кос,
Когда ж над головой не будут виться флаги,
Когда исчезнет страх? Ответ на сей вопрос!
Чтоб не были нужны ни панцири, ни пики,
Ни каски, ни картечь, ни пули, ни клинки,—
Об этом я молюсь всевышнему владыке,
Лишь в это верую, всем бедам вопреки!..

Георг Филипп Гарсдерфер

ДОЖДЬ

Если в редкость капля влаги,
Жухнут волосы земли.
О другом не просим благе,—
Небо! Дождь нам ниспошли!
Вот он! Двигается! Все ближе!
Дождь! О дождь! Услышь! Приди же!
Разомлевшие сады,
Обмелевшие пруды
Ждут спасительной воды.

Мы не зря в слезах молили,
Чтоб нам ветер дождь принес:
Землю знойную умыли
Сто ручьев небесных слез.
Хлынул дождь — жара опала.
В небе светятся опалы.
Вы, кто так дождя просил,
Кто от жажды голосил,
Набирайтесь новых сил!

В черных тучах — накипь злобы,
Но зато светлы поля:
Веселятся водохлебы,
Жадно жажду утоля.
Эй, вина подать сюда нам!
Хорошо напиться пьяным!
Вся земля пьяным-пьяна.
Дождь идет? За дождь! До дна!
Что за дружба без вина?

На дожде листва трепещет,
Под дождем трава шуршит,
Вот он — блещет, плещет, хлещет,
Вот — журчит, ворчит, урчит.
Ах, в моих стихов звучанье
Перешло б его журчанье!
Внемля песенке моей,
Выпей, брат, да не запей,
Пей да дело разумеи!

ЗАГАДКИ

Нуль или зеро

Одних мой вид страшит, других — весьма забавит.
Все дело в том, куда меня мой мастер ставит.
Вхожу я в миллион, и в тысячу, и в сто,
Хоть я, как весь наш мир, сам по себе ничто.

Время

В пространство погружен шарообразный дом.
Что суще под луной,— все обитает в нем.
Вновь становлюсь порой, чем было я когда-то,
Утратившим меня придется туговато.

Латынь

Рим был мне родиной. С приходом чужеземцев
Меня изгнали прочь. Теперь живу у немцев.

Пауль Флеминг

К САМОМУ СЕБЕ

Будь тверд без черствости, приветлив без жеманства,
Встапь выше зависти, довольствуйся собой!
От счастья не беги и не считай бедой
Коварство времени и сумрачность пространства.

Ни радость, ни печаль не знают постоянства:
Чередованье их предрешено судьбой.
Не сожалей о том, что сделано тобой,
А исполняй свой долг, чураясь окаянства.

Что славить? Что хулить? И счастье и несчастье
Лежат в тебе самом!.. Свои поступки взвесь!
Стремясь вперед, взгляни, куда ты шел поднесь.

Тому лишь, кто, презрев губительную спесь,
У самого себя находится во власти,
Подвластна будет жизнь, мир покорится весь!

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ

Во времени живя, мы времени не знаем.
Тем самым мы себя самих не понимаем.
В какое время мы, однако, родились?
Какое время нам прикажет: «Удались!»
А как нам распознать, что *наше* время значит
И что за будущее наше время прячет?
Весьма различны времена по временам:
То нечто, то ничто — они подобны нам.
Изжив себя вконец, рождает время время.
Так продолжается и человечье племя.
Но время времени нам кажется длинней
Коротким временем нам отведенных дней.
Подчас о времени мы рассуждаем с вами.
Но время это — мы! Никто иной. Мы сами!
Знай: время без времен когда-нибудь придет
И нас из времени насильно уведет,
И мы, самих себя сваливши с плеч, как бремя,
Предстанем перед тем, пад кем не властно время.

ЗАЧЕМ Я ОДЕРЖИМ...

Зачем я одержим духовным этим гладом,
Пытался в суть вещей проникнуть алчным взглядом?
Зачем стремлением мой ум воспламенен
Прозреть событий связь и сложный ход времен?
Когда б постиг я все искусства и науки,
Все золото земли когда б далось мне в руки,
Когда бы я — поэт — в отечестве моем
Некоронованным считался королем,
Когда б (чего ни с кем доселе не бывало)
Не дух, а плоть мою бессмертье ожидало,
И страха смертного я сбросил бы ярем, —
Могли бы вы сказать: «Он обладает *всем!*»
Но что такое «все» среди земной печали?
Тень призрака. Конец, таящийся в начале.
Шар, полный пустоты. Жизнь, данная нам зря.
Звук отзвука. *Ничто*, короче говоря.

СПОР С САМИМ СОБОЙ

Напрасен весь мой труд, но, в иступленье страстном,
Я только и живу трудом своим напрасным,
Как если бы я был с рассудком не в ладу.
Так я с самим собой безмолвный спор веду,
С самим собой мирюсь и снова в бой вступаю,
Себя себе продав, себя я покупаю.
И мой заклятый враг в сей призрачной войне
То валит с ног меня, то поддается мне...
Я сам — свой друг и враг. Во мне ведут сраженья
Война и мир... Когда ж, устав, в изнеможенье,
Плоть просит отдыха, мой ошалевший дух,

Из тела вырвавшись, как молодой петух,
Кричит, беснуется и — неразумный кочет, —
Где надо бы рыдать, неистово хохочет.

ОЗАРЕНИЕ

Я жив. Но жив не я. Нет, я в себе таю
Того, кто дал мне жизнь в обмен на смерть свою.
Он умер, я воскрес, присвоив жизнь живого.
Теперь ролями с ним меняемся мы снова.
Моей он смертью жив. Я отмираю в нем.
Плоть — склеп моей души — ветшает с каждым днем.
Обманчив жизни блеск. Кто к смерти не стремится,
Тому под бременем скорбей не распрямиться!
Страшитесь, смертные, дух променять на плоть!
От искушения избавь меня, господь!
Постиг всем существом я высшую идею:
Все то, чего лишен, и все, чем я владею,
И смерть моя, и жизнь со смертью наравне,
Смысл и бессмыслица содержатся во мне!
Какое же принять мне следует решение?
Я смею лишь желать. Тебе дано свершение,
Освободив мой ум от суетной тщеты,
Возьми меня всего и мне предайся ты!

ВЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Что ценней любого клада
Нам на жизненном пути?
Величайшая услада
Сердце верное найти,

С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Жизнь предаст, судьба обманет,
Счастье может изменить.
Сердце верное воспрянет,
Чтоб тебя оборонить.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Для него твоя удача —
Всех отраднее удач.
Загорюешь, горько плача,
И его услышишь плач.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Деньги тают, гаснет слава,
Дни уносятся гурьбой,
Старость мерзкая трухлява —
Сердце верное с тобой.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

И свиданье и разлуку —
Все оно перенесет.
Загрустишь — развеет скуку,
А отчаешься — спасет.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Пусть в одно сольются сердце
В добрый час сердца двоих,

Пусть открыта будет дверца
И для третьего у них.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам!

КАК БЫ ОН ХОТЕЛ,
ЧТОБЫ ЕГО ЦЕЛОВАЛИ

Целомудренно-чиста,
Поцелуй меня в уста.
Робко, но не слишком вяло —
Чтоб до сердца доставало.

Наслаждения порой
Детской кажутся игрой,
Если дочери Венеры
Не имеют чувства меры.

Не кусай меня, не жги.
Страсть сперва побереги.
Округли сначала губки
В виде дружеской уступки.

Покуражься, а потом
Обхвати горящим ртом
Рот, подставленный влюбленным,
До предела распаленным.

Лишь простушка да простак
Льнут друг к другу просто так:
Вызывает трепет в теле
Самый путь к заветной цели.

С ходу или не спеша,—
Делай, как велит душа...
Ну, а что зовется раем,
Только мы с тобою знаем!

ПОХВАЛЬБА ПЕХОТИНЦА

Я воин, я солдат, мой бранный дух велик.
Я не страшусь огня, я лезу напрямик.
Сыздетства я питал безмерную охоту
К героическим подвигам и вот — попал в пехоту.
Да, да! Не каждому предписано судьбой
Считаться воином!.. Кто обожает бой,
Кто шествует в строю, расправив гордо плечи,
Под ураганный вой взбесившейся картечи,
Кто доблестью своей врага бросает в дрожь,
Кто — баловень побед, тот на меня похож!
И если вражья рать повержена и смята
Могучим натиском бесстрашного солдата,
То знайте, это — я, сын войска своего!
Наш клич: «Один за всех и все за одного!»
Солдаты мужеством друг друга заражают.
Одни ведут стрельбу, другие заряжают.
Пускай презренный враг нас превзошел числом,
Мы во сто крат сильнее военным ремеслом.
Мы выучкой сильны. Пусть к нашему реду
Противник сунется, — мы с ним поступим круто:
Раздавим, разметем! Готов любой солдат
Скорее умереть, чем отойти назад.
Нет в мире ничего отрадней этой доли:
Достойно умереть в бою, по доброй воле.
А коль тебя убьют при этом напсвал,

Ты, значит, вообще мучений миновал...
Что ж! С пулею в груди, я с честью мир покину,
Как мне велит мой долг. Но осмотрите спину —
Вы раны ни одной не сыщете на ней!..
Когда же, побросав оружие и коней,
Противник побежит с оставленных позиций,
Геройская душа взовьется вольной птицей.
Тогда гуляй и пей, приятель дорогой!
Карманы набивай добычей даровой!
Смотри, как воинство отважно атакует
Спасенных жителей! Отечество ликует:
Освободили мы любезных земляков
Сначала от врага, затем от кошельков.
На то ведь и война. Не трогает солдата
Вопрос: кому служить? Была б повыше плата!

НОВОГОДНЯЯ ОДА 1633

Край мой! Взгляд куда ни кинь —
Ты пустынное пустынь.
Милый Мейсен! Злобный рок
На позор тебя обрек.

Жмут нас полчища врага.
Затопили берега
Реки, вспухшие от слез.
Кто нам пагубу принес?

Наши села сожжены,
Наши рати сражены,
Наши души гложет страх,
Города разбиты в прах.

Если хлеба кто припас,
То давно проел припас.
Голод пир справляет свой
В опустевшей кладовой.

Так зачем и почему
Сеют войны и чуму?
Слушай, вражеская рать!
Может, хватит враждовать?

Жить в согласье — не зазор,
А война — для всех разор.
Разве стольких страшных бед
Стоят несколько побед?

Марс, опомнись! Не кичись!
Милосердью научись
И скажи: «На что мне меч?
Тьфу! Игра не стоит свеч!

Каску грозную свою
Певчим птахам отдаю,
Чтоб в канун весенних дней
Птицы гнезда вили в ней.

А кольчуги и клинки
Вам сгодятся, мужики!
Из клинков да из кольчуг
Будет лемех вам и плуг».

Не хотим военных свар!
Мир — вот неба высший дар!
Прочь войну, чуму, беду
В наступающем году!

ВЕЛИКОМУ ГОРОДУ МОСКВЕ,
В ДЕНЬ РАССТАВАНИЯ

Краса своей земли, Голштинии родня,
Ты дружбой истинной, в порыве богоравном,
Заказанный иным властителям державным,
Нам открываешь путь в страну истоков дня.

Свою любовь к тебе, что пламенней огня,
Мы на восток несем, горды согласьем славным,
А воротясь домой, поведаем о главном:
Союз наш заключен! Он прочен, как броня!

Так пусть во все века сияет над тобою
Войной не тронутое небо голубое,
Пусть никогда твой край не ведает невзгод!

Прими пока сонет в залог того, что снова,
На родину придя, найду достойней слово,
Чтоб услышал мой Рейн напевы волжских вод.

НА СЛИЯНИЕ ВОЛГИ И КАМЫ, В ДВАДЦАТИ ВЕРСТАХ
ОТ САМАРЫ

Приблизьтесь к нам скорей! Причин для страха нет!
О нимфы пермские, о гордые княгини,
Пустынных сих берегов угрюмые богини.
Здесь тепь да тишина. И солнца робок свет.

Вступите на корабль, дабы принять привет
От нас, кто на устах у всей России ныне.

Голштинии сыны, мы здесь — не на чужбине:
Незыблем наш союз и до скончания лет!

О Кама, бурых вод своих не пожалей!
Ковшами черпай их и в Волгу перелей,
Чтоб нас песчаные не задержали мели.

И Волга, обновясь, свой да ускорит бег,
Призвавши благодать на тот и этот брег,
Чтоб глад, и мор, и смерть их ввек терзать не смели.

НА СМЕРТЬ ГОСПОДИНА МАРТИНА ОПИЦА

Так в Элизийские ушел и ты поля,
Ты, кто был наших дней Гомером и Пиндаром,
Кто, наделенный их необычайным даром,
Жил, с ними славу и бессмертие деля.

О герцог наших струн! Немецкая земля,
Привыкшая к скорбям, объятая пожаром,
Сотрясена досель невиданным ударом
И стонет, небеса о милости моля.

Вотще!.. Все сметено, все сломлено и смято.
Мертва Германия, прекрасная когда-то.
Мать умерла, теперь во гроб ложится сын.

Пал мститель, пал певец, пал праведник и воин!..
А вам-то что скорбеть? Из вас-то ни один
Подобного певца сегодня недостойн!

К ГЕРМАНИИ

Отчизна, справедлив твой горестный упрек:
Я молодость свою провел грешно и праздно,
Не исполнял твоих велений безотказно
И, вечно странствуя, был от тебя далек.

Мать-родина! Прости! Жар любопытства влек
Меня из края в край. Я не избег соблазна
И покидал тебя ни с чем несообразно,
Но ничего с собой поделаться я не мог.

Я лодка малая, привязанная к судну.
Хочу иль не хочу, а следую за ним.
И все же навсегда я остаюсь твоим.

Могу ли я тебя отвергнуть безрассудно?
И в поисках пути, в далекой стороне,
Я смутно сознаю: я дома — ты во мне...

ЭПИТАФИЯ

ГОСПОДИНА ПАУЛЯ ФЛЕМИНГА, Д-РА МЕД., КОЮ ОН
СОЧИНИЛ САМ В ГАМБУРГЕ МАРТА 28 ДНЯ ЛЕТА 1640
НА СМЕРТНОМ ОДРЕ, ЗА ТРИ ДНЯ ДО СВОЕЙ БЛАЖЕННОЙ
КОНЧИНЫ

Я процветал в трудах, в искусствах и в бою,
Избранник счастья, горд именитым родом,
Ничем не обделен — ни славой, ни доходом.
Я знал, что звонче всех в Германии пою.

Влекомый к странствиям, блуждал в чужом краю.
Беспечен, молод был, любим своим народом...
Пусть рухнет целый мир под нашим небосводом,
Судьба оставит песнь немецкую мою!

Прощайте вы, господь, отец, подруга, братья!
Спокойной ночи! Я готов в могилу лечь.
Коль смертный час настал, то смерти не перечь.
Она зовет, себя готов отдать я.

Не плачьте ж надо мной на предстоящей тризне.
Все умерло во мне... Все... Кроме искры жизни.

Исайя Ромплер фон Лёвенгальт

ВЗБЕСИВШАЯСЯ ГЕРМАНИЯ

(Фрагмент)

Из северных краев — пристанища медведей —
К нам ворвалась зима, пошла крушить соседей!
Неистовствует ветер, сшибая булавой
Дрожащую листву над нашей головой.
Стучит ветвями бор с морозом в поединке.
В заброшенных полях не сыщешь ни травинки.
Дороги замело. Ручей — под толщей льда...
Но речь не о зиме. Есть худшая беда,
Чем бешеной зимы разбойные повадки:

Германия лежит в смертельной лихорадке,
В горячечном бреду!.. Костлявою рукой
Ей горло сжала смерть. Надежды — никакой!

Лицо искажено. От ран гноится тело...
Германия! Сама ты этого хотела!
Клятвопреступница, ты бога своего
Постыдно предала, разгневала его,
Распяла господу!.. Чего ж ты плачешь ныне,
Когда, подобная разнужданной скотине,
Ты в грязной похоти бессмысленно жила,
В ничтожной роскоши, в разврате жизнь прожгла?
Не ты ль сама себе средь подлого разгула
Пеньковую петлю на горле затянула?..
О мире, о добре, презренная ханжа,
Кричать ты смела, нож за пазухой держа!
Ты господом клялась, а дьяволу служила!
Ты совестью своей ничуть не дорожила!
О, сколько страшных бед ты людям принесла!
Нет мерзостям твоим ни меры, ни числа.

За то тебя господь карает без пощады...
Твой черно-желтый мозг уже разъели яды.
Твой вялый рот истек кровавою слюной.
То жар тебя томит, то холод ледяной:
Отчаянье тебя бросает в жар и в холод!
Все яростней война, все ненасытней голод.
И, разум потеряв, ты в мерзостной божбе
Рычишь, стенаешь, рвешь одежды на себе,
Лицо распухшее царапаешь ногтями.
Твой каждый шаг ведет тебя к могильной яме.
Уже недолго ждать: ты свалишься туда
И в собственной крови утонешь навсегда!

Немецкая страна, ты не немецкой стала!
Как потускнело все, чем прежде ты блистала!..
Конец! Всему конец! Тебя поглотит мрак!
Но не чума, не мор, не озверевший враг,
Не дьявольских судеб безжалостная сила,—
Германию — увы! — Германия убила!..

Андреас Чернинг

ДЕВУШКЕ,
ВЫХОДЯЩЕЙ ЗАМУЖ ЗА СТАРИКА

Да ты свихнулась, что ли?.,
При облике таком
Самой, по доброй воле,
Сойтись со стариком?!

Ужель его седины
Твоих волос светлей,
А ветхие руины,
Чем новый дом, целей?

О, сколь сей брак неравен!..
Стареющий баран
Ведь только шубой славен,
Хоть он и ветеран.

Гляди: в костре пылает
Пень, что давно иссох,
И понапрасну лает
Беззубый кабысдох.

Коробится с годами
И ржавеет металл.
Так ржавеем мы сами,
Когда наш срок настал.

Напрасно ищет сваху
Проворный старичок:
Смерть явится и — с маху
Подловит на крючок!

О, старость столь степенна,
Столь мудрости полна!..
Но истинно священна
Лишь молодость одна!

К ОТСУТСТВУЮЩЕЙ

Ни пастбищем, ни пашней,
Ни мраморною башней,
Ни роскошью дворца
Свой взор я не унижу,

Покуда не увижу
Любимого лица.

Мне самый воздух душен:
Нет никаких отдушин,
Когда тебя здесь нет!
Мое ты сердце съела,
В мозгу моем засела,
Очей затмила свет.

Я до того скучаю,
Что смерть не исключаю:
Я близок к ней весьма!..
Сие предупрежденье
Шлю как бы в подтвержденье
Вчерашнего письма.

Иоганн Клай

АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ОДА
ОТ ЛИЦА МАРИИ МАГДАЛИНЫ

Огнями золотыми
Сияя в вышине,
Где рожками своими
Кивает месяц мне,
Вы, звездочки, скажите,
Зачем ушел от нас
Тот, к чьей святой защите
Прибегну в смертный час?

Слабейчи на грани
Глухой поры ночной
И предрассветной рани,
О, сжальтесь надо мной
И посему скажите,
Когда ушел от нас
Тот, к чьей святой защите
Прибегну в смертный час?

О вы, поля и чащи,
Вы, нивы и сады,
Что столь плодоносящи,
Вы, тучные плоды,
Узнайте, поищите,
Куда ушел от нас
Тот, к чьей святой защите
Прибегну в смертный час?

Вы, горы, вы, пустыни,
Весь мир я обойду,
Но верю и поныне,
Что я его найду!
Леса мои и реки,
Встречаючи зарю,
С ним буду я навеки,
С тем, коим я горю!

**ПРАЗДНИЧНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК
ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНИЯ МИРА**

Под грохот, под хохот, под клики, под крики
Летают, витают, пылают гвоздики.
И воздух весь в звездах, и в облаке дыма
Кометы, ракеты проносятся мимо.

Та-ра́-ра, тра-ра́-ра! — кларнеты и трубы
Играют, скликают вас в круг, жизнелюбы!
И ноги с дороги так в пляске топчут,
Как бой, как прибой, как грома не грохочут.

От градин-громадин, от ливневой бучи
Смят сад. Ах! В лесах передоманы сучья.
Но град — не снаряд! Вот загрохают пушки,
И ахнут, и лопнут, и хлопнут хлопушки!

Взвились, понеслись за ракетой ракеты.
Горят и парят огневые букеты.
Народ так и прет, разодетый красиво:
«Вот чудо так чудо! Вот диво так диво!..»

Неситесь! Светитесь! Чтоб тьма расступалась!
Земля чтоб, людей веселя, сотрясалась!
Война, чья вина не имеет предела,
Чадя и смердя, наконец околела!

Андреас Грифиус

СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА, ГОД 1636

Мы все еще в беде, нам горше, чем доселе.
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч
Похитили наш труд, вконец нас одолели.

В руинах города, соборы опустели.
В горящих деревнях звучит чужая речь.
Как пересилить зло? Как женщин оберечь?
Огонь, чума и смерть... И сердце стынет в теле.

О скорбный край, где кровь потоками течет!
Мы восемнадцать лет ведем сей страшный счет,
Забиты трупамы отравленные реки.

Но что позор и смерть, что голод и беда,
Пожары, грабежи и недород, когда
Сокровища души разграблены навеки?!

ВЕЛИЧИЕ И НИЧТОЖЕСТВО ЯЗЫКА

Венец творения, владыка из владык,
Ответствуй, в чем твое всевластье человечье?
Зверь ловок и силен, но, не владея речью,
Он пред тобой — ничто. А людям дан язык.
Груз башен каменных и тяжесть тучных низ,
Корабль, что входит в порт, моря избороздив,
Свечение звезды,
Течение воды,
Все, чем в своих садах наш взор ласкает Флора,
Закон содружества, которым мир богат,
Неумолимый смысл господня приговора,
Цветенье юности и старческий закат —
Все — только в языке! — находит выраженье.
В нем жизни торжество, в нем — смерти поражение,
Над дикостью племен власть разума святого...
Ты вечен, человек, коль существует слово!
Но что на свете есть острее языка?
Что в бездну нас влечет с нещадной быстротою?
О, если б небеса сковали немотою
Того, чья злая речь развязна и мерзка!
Поля — в холмах могил, смятенье городов,

Пожар на корабле у мертвых берегов,
Вероучений чад.
Что разум наш мрачат,
Слепая ненависть, которая нас душит,
Вражда церквей и школ, обман и колдовство,
Война, растлившая сердца, умы и души,
Смерть добродетели, порока торжество,
Любви и верности ужасная кончина —
Всему виной язык, он здесь — первопричина,
И коли речь твоя — рабыня смысла злого,
Ты гибнешь, человек, убитый ядом слова!

СОЗЕРЦАНИЕ ВРЕМЕНИ

Не мне принадлежат мной прожитые годы,
А те, что впереди, — есть собственность природы.
Что ж мне принадлежит? Мгновение одно,
В котором годы, век — все, все заключено!

FORTIS UT MORS DILECTIO ¹

На день их бракосочетания

1

Что такое *быть любимым?*..
Пусть разверзнется земля
Иль огнем и черным дымом

¹ Любовь сильна, как смерть (лат.).

Смерть окутает поля,—
Лютый страх неимоверный
Сникнет пред любовью верной,

2

Смерть стрелою в сердце метит,
Факел траурный чадит,
А любовь и не заметит,
Как злодейку победит.
Да останется нетленной
Лишь любовь во всей вселенной!

3

Не страшны ей муки ада,
Пыток дьявольский набор.
Раззадорясь, только рада
Жить, беде наперекор!
Как господь, что правит нами,
Вся она и свет и пламя.

4

Пусть прибой о скалы бьется,
Пусть беснуется метель,
Пусть свирепый норд ворвется
В океанскую купель,—
Все равно любовь живучей,
Чем вода, чем ветер могучий.

Не найти на свете гири,
 Что так весит тяжело.
 Даром, что ль, все золото в мире
 С ней тягаться не смогло?
 Подчинись ее условию:
 За любовь плати любовью!

МЕРТВЕЦ ГОВОРИТ ИЗ СВОЕЙ МОГИЛЫ

Постой, прохожий! Не спеши!
 Здесь, под плитой надгробной,
 В немой кладбищенской глуши
 Лежит тебе подобный.
 Остановись! Со мной побудь!
 И правды ты постигнешь суть.

Ты жив. Я мертв. Но ты и я —
 Почти одно и то же.
 Я — твой двойник. Я — тень твоя.
 Во всем с тобой мы схожи.
 Мне гнить в могильной глубине,
 Но ты себя узри во мне.

Гость на земле, из всех гостей
 Ты, человек, всех тленней.
 Твой дух? — Игра слепых страстей.
 Мысль? — Смена заблуждений.
 Деянье? — Воздуха глоток.
 Жизнь? — Безрассудных дней поток.

Ах, эта скорбная плита —
Как пограничный камень.
За ним угаснут красота,
Ума и сердца пламень.
Не протопить за этот круг
Меч, книгу, посох или плуг.

Нет! О пощаде не моли:
Не будет по-другому!
Как от подошвы до земли,
До мертвого — живому.
Так предначертано судьбой.
Твоя могила — под тобой.

О вы, творцы мудрейших книг,
Науки исполины,
Чей разум дерзостно проник
В познания глубины!
Я вас читал и почитал,
Но все равно сюда попал.

Будь именит и знаменит,
Стремись к высокой цели,—
Но слышишь? Колокол звонит!
По ком? Не по тебе ли?
Он вопрошает неспроста:
А совесть у тебя чиста?..

Твои уголья возросли,
Ты счастлив бесконечно,
Но много ль надобно земли,
Чтоб лечь в нее навечно.
И нужен смертнику навряд,
Помимо савана, наряд.

Ты брал, шагая напролом,
Услады жизни с бою,
Но титул, славу, двор и дом
Ты не возьмешь с собою.
И все, кто нынче слезы льет,
Тебя забудут через год.

Так думай о своей судьбе,
Поскольку жизнь — одна ведь!
Спешి хоть память о себе
Хорошую оставить...
Как ни молись, как ни постись —
Нельзя от смерти упасть!

Но там, в заоблачном краю,
Есть для души спасенье,
Кто честно прожил жизнь свою,
Дождется воскресенья!
От зла свой дух освободи!
Ты понял?.. А теперь — иди!

К ПОРТРЕТУ НИКОЛАЯ КОПЕРНИКА

О трижды мудрый дух! Муж, больше, чем великий!
Ни злая ночь времен, ни страх тысячеликий,
Ни зависть, ни обман осилить не смогли
Твой разум, что постиг движение земли.
Отбросив темный вздор бесчисленных лжедогадок,
Там, среди хаоса, ты распознал порядок
И, высшее познав, не скрыл от нас того,

Что мы вращаемся вокруг солнца своего!..
Все кончится, пройдет, миры промчатся мимо,
Твое ж величие, как солнце, негасимо!

ГИБЕЛЬ ГОРОДА ФРЕЙШТАДТА

Что мне узреть дано среди руин и праха?
Глазницы голода, седые космы страха
И мертвый лик чумы... Грохочет пушек гром.
Вот солдатня прошла с награбленным добром,
Затем крошечный мрак заполнил всю сцену:
То ночь, нет, ночь ночей явилась дню на смену,
И Фрейштадт рухнул ниц. Так, вырванный из недр,
На землю валится, сраженный бурей, кедр,
И не поднять его... За лесом солнце скрылось,
Зажглись лампы звезд, и небо осветилось;
Морфей вступал в дома; тревоги враг — покой
Смежал глаза людей заботливой рукой,
Как вдруг раздался вопль!.. О, громовым раскатом
Звучал тот смертный крик в безумием объятom
Горящем городе!.. Огнем опалена,
Казалось, лопнула над Фрейштадтом луна.
И в посвисте ветров, казнен рукой железной,
Был город поглощен бушующею бездной,
Пожар не утихал... Пронзая ночи тьму,
Метались стаи искр в пороховом дыму,
Колонны и столбы лежали буреломом.
Вот обвалился дом, подмят соседним домом,
Все — пепел, прах и пыль. Белоколонный зал
Не выстоял в огне и грудой щебня стал.
Где ратуша? Где храм? Зубцы дворцовых башен
Пожаром сметены. Сожженный город страшен.

О бедный Фрейштадт мой! О край бездонных бед!
Неужто на тебе живого места нет?
Ужель тебя насквозь война изрешетила?
Ужель ничья рука тебя не защитила
И сам ты обречен исчезнуть без следа,
Как если б пробил час последнего суда?
Иль приближаемся мы к тем печальным срокам,
Когда сметет весь мир пылающим потоком?!
Вот толпы горожан сквозь ядовитый дым
С дрожащими детьми бредут по мостовым.
Вам, детям родины, вам, не видавшим детства,
Развалины и смерть достанутся в наследство!

Нет больше города... Все превратилось в тлен.
Из пепла и золы торчат обломки стен.
Но что дома?! Едва ль здесь люди уцелели!
Иных огонь застиг во время сна, в постели.
Быть может, кто-нибудь спустя десятки лет
Найдет здесь среди камней обугленный скелет...
Мы сострадаем, но — беспомощны при этом;
Погибшим не помочь ни делом, ни советом.
Ах, музы! Все, что вы послали людям в дар,
Безжалостно унес разнузданный пожар.
Над мраком пустырей, как огненные птицы,
Кружатся в воздухе горящие страницы.
Все то, чем человек бессмертия достиг,
Плод мудрости земной здесь погибает вмиг,
Сокровища искусств, хранимые веками,
Как уличную грязь, мы топчем каблуками!
О знай, Германия! Из твоего кремня
Стихии высекли зловеший спол огня.
И лишь когда в тебе погаснет эта злоба,
Несчастный Фрейштадт наш поднимется из гроба,

Подставив голову живительным ветрам.
Мы снова щебет птиц услышим по утрам,
И солнце в вышине засветится над нами,
Которое сейчас сокрыли дым и пламя.
Свершатся все мечты. Труды прилежных рук
Довольство создадут, украсят жизнь вокруг
И в город превратят немое пепелище,
Где будет свет светлей и воздух станет чище,
Чем был он до сих пор... В отстроенных домах
Не воцарятся вновь отчаянье и страх.
И горе и война вовеки их не тронут.
Где в муках и в крови сегодня люди стонут,
Ликующую песнь зачнет веселый хор.
Меч переplавят в плуг, перекуют в топор.
И, заново родясь, вернуться в нашу местность
Утраченный покой, согласие, честь и честность!..

НЕВИННО СТРАДАЮЩЕМУ

Огонь и колесо, смола, щипцы и дыба,
Веревка, петля, крюк, топор и эшафот,
В кипящем олове обуглившийся рот,—
С тем, что ты выдержал, сравниться не могли бы.

И все ж под тяжестью неимоверной глыбы
Твой гордый дух достиг сияющих высот.
О, сбудется! Молва тебя превознесет
И лавровый венец смягчит твои ушибы!

За дело правое свою ты пролил кровь,
И, навши, ты воспрял, умерши, ожил вновь.
Ни в чем твоя душа святая неповинна!

Но разве наш господь не так же шел на казнь?
Свершив великое, преодолеть боязнь
Перед распятием — вот долг христианина!

ЗАБЛУДШИЕ

Вы бродите впотьмах, во власти заблужденья,
Неверен каждый шаг, цель также неверна.
Во всем бессмыслица, а смысла — ни зерна.
Несбыточны мечты, нелепы убежденья.

И отрицания смешны и утвержденья.
И даль, что светлою вам кажется, — черна.
И кровь, и пот, и труд, вина и не вина —
Все ни к чему для тех, кто слеп со дня рожденья.

Вы заблуждаетесь во сне и наяву,
Отчаявшись иль вдруг предавшись торжеству,
Как друга за врага, приняв врага за друга,

Скорбя и радуясь, в ночной и в ранний час...
Ужели только смерть прозреть заставит вас
И силой вытащит из дьявольского круга?!

СОНЕТ НАДЕЖДЫ

В дни ранней юности, в дни первого цветенья
Я встретиться с чумой успел лицом к лицу.
Едва начавши жить, я быстро шел к концу,
Исполнен ужаса, отчаянья, смятенья.

Болезни, бедствия, безмерность угнетенья
Порой не выдержатъ и стойкому бойцу,
А я бессилием был равен мертвецу...
Мне ль было превозмочь судьбы хитросплетенья?

Не видя выхода, я только смерти ждал...
И тут... бог спас меня. Господь мне сострадал!
С тех пор, обретши жизнь, усвоил я науку:

На грани гибели, в проигранной борьбе —
Невидимо господь печется о тебе
И в нужный миг подаст спасительную руку.

ВСЕ БРЕННО...

Куда ни кинешь взор — все, все на свете бренно.
Ты нынче ставишь дом? Мне жаль твоих трудов.
Поля раскинутся на месте городов,
Где будут пастухи пасти стада смиренно.

Ах, самый пышный цвет завянет непременно.
Шум жизни сменится молчанием гробов.
И мрамор и металл сметет поток годов.
Счастливых ждет беда... Все так обыкновенно!

Пройдут, что сон пустой, победа, торжество:
Ведь слабый человек не может ничего
Слепой игре времен сам противопоставить.

Мир — это пыль и прах, мир — пепел на ветру.
Все бренно на земле. Я знаю, что умру.
Но как же к вечности примкнуть себя заставить?!

ОДИНОЧЕСТВО

Я в одиночестве безмолвном пребываю.
Среди болот брожу, блуждаю средь лесов.
То слышу пенье птах, то внемлю крику сов,
Вершины голых скал вдали обзираю,

Вельмож не признаю, о черни забываю,
Стараюсь разгадать прощальный бой часов,
Понять несбыточность надежд, мечтаний, снов,
Но их осуществить судьбу не призываю.

Холодный, темный лес, пещера, череп, кость —
Все говорит о том, что я на свете гость,
Что не избегну я ни немощи, ни тлена.

Заброшенный пустырь, замшелая стена,
Признаюсь, любви мне... Что ж, плоть обречена,
Но все равно душа бессмертна и нетленна!..

ПЛАЧ ВО ДНИ ВЕЛИКОГО ГОЛОДА

Вот — довершение к проклятью:
Мир в лютой жажде изнемог.
Колодцы скованы печатью,
И ливень заперт на замок.
Земли распластанное тело
Иссохло и окаменело.

Багровым жаром пышут тучи,
Шальное солнце жжет луга.
И медленно и неминуемо

Сжимают реку берега.
По этим выгоревшим склонам
Она ручьем сочится сонным.

Дымится лес от перегрева,
Кряхтят деревья, облысев.
Во глубине земного чрева
Зачах и сморщился посев.
В полях колосья никнут вяло.
Черны цветы. Трава увяла.

Не выдавить, не выжать сока!
В какой из страшных небылиц
Зной столь бессмысленно жестоко
Душил людей, зверей и птиц?
Голодное мычанье стада...
Пустые села... Запах чада...

О нет, не в силах человека
Беду такую побороть —
Ей равной не было от века...
Но ты, всевидящий господь,
Предавший нас постыдной доле,
Казни — и не пытай нас доле!

Ты посмотри, как люди-тени,
Распухшим, изможденным ртом
Шепча молитвы в испуге,
Лежат в пыли перед крестом,
Как тянут высохшие руки
К тебе, господь, в предсмертной муке!

Ужель не увлажнится взор твой
При этом зрелище?.. Гляди:
Оцепенел младенец мертвый,

Прильнув к безжизненной груди
Умершей матери!.. Не мею...
О многом и сказать не смею.

Ах, господи, как бессердечно,
Как больно ты караешь нас!
Не может быть, чтоб вдруг навечно
Свет доброты твоей угас,
Чтоб ты возненавидел люто
Свои созданья почему-то.

Пора! Печальным стоном внемля,
Раскрой хранилища свои,
Утешь истерзанную землю,
Ее колосья напои,
Взбодри заждавшиеся недра,
Вознагради страдальцев щедро.

Кто, как не ты, в стремленье к благу
Поможет ввергнутым в беду?
Услышь нас! Жаждающим дай влагу,
Дай голодающим еду!
Ты даровал нам жизнь — спасибо!
Так сделай, чтоб мы жить могли бы!

ГРОБНИЦА КЕСАРЯ

Воздвигнутую в знак посмертного почета,
На деньги бедняков, ценою слез и пота,
Гробницу кесаря солдаты разнесли.
Полуистлевший труп валяется в пыли,
А мрамор и кирпич прославленной гробницы

Порастаскал народ: в хозяйстве пригодится!
Ограбили того, кто всех ограбил сам...
Клеврет властителя взывает к небесам,
«Посмертно он казнен!» — вопит он в укоризне,
Я тоже сетую: «Да... Жаль, что не при жизни!»

К НАКРАШЕННОЙ

Ну, что в вас истинного, детище обмана:
Вставные челюсти или беззубый рот?!
О ваших локонах золотых парик ваш врет,
А о румянце щек — дешевые румяна.

Набор густых белил — надежная охрана.
Но если невзначай их кто-нибудь сотрет,
Тотчас откроется — скажу вам наперед —
Густая сеть морщин!.. А это — в сердце рана!

Наружностью всегда приученная лгать,
Вы лживы и внутри, так надо полагать,
Фальшивая душой, притворщица и льстица!

О сердцем лживая! О лживая умом!
С великим ужасом я думаю о том,
Кто вашей красотой фальшивую прельстится!

СВАДЬБА ЗИМОЙ

В долинах и в горах еще белым-бело.
Теченья быстрых рек еще зажаты льдами.
Измучена земля стальными холодами.
Деревья замерли, и ветки их свело.

Еще седой буран разнузданно и зло
Бесчинствует, кружась над нашими садами,
И все ж огонь любви, сейчас зажженный вами,
Смог чудо совершить, что солнце не смогло!

Так розы расцвели, наперекор метели,
Воскресшею листвою леса зашелестели,
Воспрянули ручьи, отбросив тяжесть льдов...

О, больше чем хвала счастливым новобрачным!
Цветы для них цветут под зимним небом мрачным!..
Каких же осенью им сладких ждать плодов?!

К ЕВГЕНИИ

Я в одиночестве. Я страшно одинок.
Порой мне кажется, что бедствую в пустыне,
Которой края нет, как и моей кручине,
И одиночеством меня пытается рок.

А между тем настал давно желанный срок:
Народы дождались великой благостины,
Окончилась война, и все ликует ныне.
Но без твоей любви мне даже мир не впрок.

Потерян, удручен, печален, как могила,
Отторгнут от тебя, той, без которой мне
Все тошно и ничто на всей земле не мило!

И проклинать судьбу и злобствовать я вправе!
Но одинок ли я? Ты здесь — в мечте, во сне.
И пропадает боль... Так что ж ты значишь въяве?!

НА ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА 1648

Уйди, злосчастный год — ищады худших лет!
Страдания мои возьми с собой в дорогу!
Возьми болезнь мою, сверхлютую тревогу.
Сгинь наконец! Уйди за мертвыми вослед!

Как быстро тают дни... Ужель спасенья нет?
К неумолимому приблизившись итогу,
В зените дней моих, я обращаюсь к богу:
Повремени гасить моей лампы свет!

О, сколь тяжек был избыток
Мук, смертей, терзаний, пыток!
Дай, всевышний, хоть ненадолго дух перевести,

Чтоб в оставшиеся годы
Не пытали нас невзгоды.
Хоть немного радости дай сердцу обрести!

НА ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА 1650

Остались позади пожары, голод, мор.
Вложивши в ножны меч, свой путь закончив ратный,
Вкушает родина мир трижды благодатный.
И вместо хриплых труб мы слышим стройный хор.

Теперь нам щеки жжет любовь, а не позор...
Спадает с сердца гнет беды невероятный...
Все вынесло оно: разгул войны развратный,
И бешенство огня, и смертный приговор.

Боже, всё мы испытали, всё, что ты послал, снесли!
Кто знал такие муки с сотворения земли,
Как народ наш обнищавший?

Мы мертвы, но мир способен снова к жизни нас вернуть.
Дай нам силу встать из праха, воздух мира дай вдохнуть,
Ты, спасенье обещавший!

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

Познал огонь и меч, прошел сквозь страх и муку,
В отчаянье стонал над сотнями могил.
Утратил всех родных. Друзей похоронил.
Мне каждый час сулил с любимыми разлуку.

Я до конца постиг страдания науку:
Оболган, оскорблен и оклеветан был.
Так жгучий гнев мои стихи воспламенил.
Мне режущая боль перо вложила в руку!

— Что ж, лайте! — я кричу обидчикам моим.—
Над пламенем свечей всегда витает дым,
И роза злобными окружена шипами,

И дуб был семенем, придавленным землей...
Однажды умерев, вы станете золой.
Но вас переживет все поправное вами!

Христиан Гофмансвальдау

ИСПОВЕДЬ ГУСИНОГО ПЕРА

В сей мир принесено я существом простым,
Но предо мной дрожат державные короны,
Трясутся скипетры и могут рухнуть троны,
Коль я вдруг окажусь неблагоприятным к ним.

Стихом своих певцов возвышен древний Рим:
Великой доблести начертаны законы,
Увиты лаврами героев легионы,
А власть иных царей развеяна, как дым!

Звучал Вергилия божественного стих,
Священный Август льнул к его бессмертной музе...
Теперь, Германия, ты превосходишь их:
Твой мужественный дух с искусствами в союзе!

Так не затем меня возносят над толпой,
Чтоб шляпу украшать бездарности тупой!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Поднявшись из-за кручи,
Рассвет раздвинул тучи
Единым взмахом крыл.
Поблскли звезды, вскоре
Луна скатилась в море.
И я глаза открыл.

Восстав от сна ночного,
Я жизнь вкушаю снова,
Вновь бодрствует мой дух.
К рукам вернулась сила,
И утро воскресило
Мне зрение и слух.

О, чудо пробужденья!
Господня снисхожденья
Ничем не заслужив,
Я — страшный грешник — все же
Живым проснулся!.. Боже,
О как ты терпелив!

Средь злобы и гордыни
Я чахну, как в пустыне,
Не ведаю пути.
Мне без твоей подмоги
Спасительной дороги
Из скверны не найти.

Ты в доброте безмерной
Пошли мне свет твой верный,
Чтоб мир мне был открыт.
Снабди мой дух крылами —
И наравне с орлами
Он к солнцу воспарит!..

ПОРТРЕТ ВЛЮБЛЕННОГО

Больной, душевною томимый лихорадкой,
Лесных зверей ловец с охотничьей повадкой,
Как флюгер, всем ветрам покорствовать готов,
Морфей, владыка грез, властитель царства снов,
Осмеленный врагом и другом пленник страсти,
Корабль, несущийся вперед, сломавши снасти,
По вздыбленным морям, сквозь буйные валы,
Невольник, что влюблен в свои же кандалы,
А также в палача с намыленной веревкой,
Бедняк, измученный недельной голодовкой,
Вулкан, что лавою клокочет огневой,
Венеры палладин едва-едва живой,
Адама истинный потомок, он недаром,
Как прародитель наш, подвластен женским чарам.
То с Демокритом схож, то — чистый Гераклит.

И если он — металл, тогда любовь — магнит.
Торговец, свой товар задешево продавший,
Все то, чем он владел, продувший, промотавший,
Судьбой обиженный, лишившийся всего...
Глаза возлюбленной — вот небеса его!
А что его земля? Как что?! — Ее объятья!
В них он покоится. О, до невероятья
Он счастлив тем, что здесь он бросил якорь свой,
На землю шлепнувшись с дурацкой головой!
Рассудок потеряв, лишившись чувства меры,
Свою простушку он счел жепственней Венеры.
Не удивительно, что все ее чернят.
Пускай не гневается: сам же виноват!
Томления его бросают в жар и в холод.
Лобзаннями ее он умирляет голод.
Чтоб жажду утолить — ее он слезы пьет,
Но в этом случае сам горько слезы льет.
Во сне его одно преследует виденье:
Сколь сладок сон его, столь горько пробужденье,
Целуя пустоту, он воздух обнимал,
И ветер-баловник речам его внимал.
Любовью усыплен, любовью он разбужен.
Будильщик никогда влюбленному не нужен.
Любовь свой острый шип ему вонзает в грудь.
Он как ужаленный! Он вскакивает: — В путь! —
Грохочет ураган. Гремят раскаты грома.
Он скачет. Он плывет. И... остается дома,
Не зная, как спастись и чем себе помочь.
И среди бела дня он призывает ночь...
Однако, полагаю, повсеместно
Все, что здесь сказано, давно и так известно.
Под занавес хочу лишь приоткрыть секрет:
Художник набросал здесь собственный портрет!

РАДОСТЬ

Мне радость масленицей кажется подчас.
Неделя праздника, а сколько разговору!
Ждешь, ждешь ее, и вот — все раздражает нас:
То приторна еда, то маска нам не впору.
А этот целый год готовил фейерверк —
Каскад огней и звезд, хитросплетенье линий,
Чтоб за какой-то миг с шипением померк
Предмет его трудов, восторгов и уныний.
Все относительно. Нет прочности ни в чем,
Что дорого отцам, над тем глумятся дети.
И с отвращением мы вечером плюем
На то, что нам святым казалось на рассвете,
Великое во сне — ничтожно наяву.
Наш собственный порыв рождает в нас презренье.
Кто знает: может быть, я завтра разорву
Сегодня созданное мной стихотворенье?
О, хрупкость бытия! О, ненадежный свет!
Зачем же нас влечет в людскую эту давку?
Что радость? Что восторг? Все суета сует.
Так вовремя успеи на небо сделать ставку!

СЛАДОСТРАСТЬЕ

Ты, сладострастье, — сахар наших дней.
Чтоб уластить наш век, безрадостный и краткий,
Нам в жилы льется твой напиток сладкий —
И мир сверкает тысячью огней.
Ты лед и камень превращаешь в розу,
Декабрь — в апрель и в песнопенье — прозу.

Мы для природы — дети. И она,
Как мать, свои нам груди открывает,
Наш дух окоченевший согревает
Настоем страсти, пламенем вина.
И мы берем из материнских дланей
Изысканные лакомства желаний.

Унылый деспот, праведник Закон,
За нами следом ходит с гнусной миной.
Ах, отравляет яд его змеиный
Веселье и свободу сыскоп!
Он завязал глаза нам, чтоб мы слепо
Сияньем дня считали сумрак склепа!

Свою живую прелесть напоказ
Не выставляет роза безвозмездно:
Ей наше жизнелюбие любезно!
Она в уплату требует от нас —
Зажечься!.. Кто на это не решился,
Тот враг себе, тот разума лишился.

На что нам сила, молодость, задор,
Когда мы, утомительно невинны,
Страшимся жизнь прогрызть до сердцевины?
Жизнь есть — алчба. Все остальное — вздор!
Так в плаванье пускайтесь дерзновенней
По радостному морю вожделений!

Кто Эпикура не избрал в друзья,
Утратил вкус пленительной свободы,
Тот изверг, мразь, тот пасынок природы,

И человеком звать его нельзя!
Докучливы труды ученого авгура.
Но как щекочет нас ученье Эпикура!

НА КРУШЕНИЕ ХРАМА СВЯТОЙ ЕЛИЗАВЕТЫ

Колонны треснули, господень рухнул дом.
Распались кирпичи, не выдержали балки.
Известка, щебень, прах... И в этот мусор жалкий
Лег ангел каменный с отколотым крылом.

Разбиты витражи. В зияющий пролом
Влетают стаями с надсадным воплем галки.
Умолк органный гул. Собор подобен свалке.
Остатки гордых стен обречены на слом.

И говорит господь: «Запомни, человек!
Ты бога осквернил и кары не избег.
О, если б знать ты мог, сколь злость твоя мерзка мне!

Терпенью моему ты сам кладешь предел:
Ты изменил добру, душой окаменел.
Так пусть тебя теперь немые учат камни!»

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Зачем вы, злые мысли,
Вдруг нависли?
Слезами не избыть беду!
Печаль помочь не может —

Боль умножит.
Нам с нею горше, чем в аду.

Воспрянь, душа! Учись во мгле кромешной
И безутешной,
Когда шальной ревет норд-ост
И мир накрыт, как покрывалом,
Черным шквалом,
Собою заменять свет звезд!

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Что значит жизнь с ее фальшивым блеском?
Что значит мир и вся его краса?
Коротким представляется отрезком
Мне бытия земного полоса.
Жизнь — это вспышка молнии во мраке,
Жизнь — это луг, поросший лебедой,
Жизнь — скопище больных в чумном бараке,
Тюрьма, куда мы заперты бедой.
Все это лживой роскошью прикрыто,
Величьем разукрашено пустым.
На скорбных трупах созревает жито.
Вот почва, на которой мы стоим.
Но ты, душа, не уподобься плоти!
На жребий свой напрасно не ропщи.
Не в блестящих, не в фальшивой позолоте,
А в истине спасение ищи!
Беги, беги от мишуры обманной,
Расстанься с непотребной суетой,
И ты достигнешь пристани желанной,
Где неразрывны вечность с красотой!

РАЗМЫШЛЕНИЯ
В ДЕНЬ МОЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Сколь потускнел мой взор, светившийся так ясно!
Я сам не тот, кто был. Тоска сжимает грудь.
И что-то шепчет мне чуть ли не ежечасно:
Оставь земную жизнь и собирайся в путь!
Так эти — пятьдесят — безрадостная дата —
Куда бессильнее, чем двадцать пять когда-то.

Господь, ты зрел меня и в материнском лоне,
Где в полной темноте я трудно вызревал.
Ты для меня зажег звезду на небосклоне,
Ты сотворил меня и мир мне даровал.
Среди житейских бурь, среди ночи безысходной
Ты кормчим был моим, звездой путеводной.

Встречались тернии — ты превращал их в розы,
А глыбы тяжкие — в сверкающий хрусталь,
Бесплодный шлак — в руду, в покой блаженный — грозы
И в радость буйную — унылую печаль.
Я — нуль, приписанный тобой к высоким числам,
Питающийся их недостижимым смыслом.

Чем мне тебе воздать? Я чересчур ничтожен.
А чем владею я — не более чем хлам.
И все же выход есть, и он отнюдь не сложен:
Пусть дух мой воспарит к стареющим орлам.
И, ставши стариком серебряноволосым,
Я боле не примкну к юнцам звонкоголосым.

Дай приобщиться мне к божественным усладам,
Бедою не вспугни мой старческий покой,

И не спеши объять меня могильным хладом,
И силы мне прибавь всевластною рукой,
Чтоб над моей душой, где зло с добром смешалось,
Не плакал бы рассвет и ночь не потешалась.

О, дай мне в сладостями сдобренной полни
Узреть врагов моих расчетливую лесь.
Пусть гибнут в ими же сплетенной паутине!
Пусть на обманщиков Обман обрушит мечь!
Дай выстоять в борьбе, в благом и правом деле,
Чтоб ненависть и мрак меня не одолели.

Омолоди, взбодри слабеющую душу,
А дух мой преврати лишь в твоего слугу,
И в испытании не сникну я, не струшу,
И себялюбие свое превозмогу.
И с завистью порвав, сам восприму я вскоре
Несчастье ближнего, как собственное горе.

Сверши, чтобы мой дух к святыням приобщился,
Чтоб сердце чистое светилося изнутри.
Я приукрашивать себя так часто тщился!
Ты пятна подлые скорей с меня сотри!
Как ослеплен наш взор пустым, обманым светом!
И как мы немощны!.. Ты ведаешь об этом.

И, наконец, введи меня в свои владенья!
Ночь жизни коротка, бессмертья вечен свет.
Что громкие слова? Что пышность погребенья?
Тщеславье жалкое средь суеты сует.
Лишь надпись на плите не будет позабыта:
«Ядро исчезло прочь. Здесь скорлупа зарыта».

СТРОКИ ОТЧАЯНИЯ

Бессильный, я закрыл глаза,
Рукой холодной лба коснулся:
В меня ударила гроза,
Мой бедный разум пошатнулся.
И я то бодрствую, то сплю,
То смерть о помощи молю,
То, преисполнившись отваги,
Вновь жажду радости земной...
И вдруг гляжу: передо мной
Лежат перо и лист бумаги.

Проспись, рассудок мой, проспись!
О, все равно не будет чуда!..
Над жалким миром вознесись:
Давно пора нам прочь отсюда!
Плюю на золото, на власть,
Плюю на горечь и на сласть,
На то, что друг мне яму роет,
На то, что враг со мной хорош.
Отныне ни любовь, ни ложь
Дорогу мне не перекроют.

Признаюсь: мне смешна до слез
Та жизнь, что я доселе прожил.
Какой глупейший вздор я нес!
Чем, не стыдясь, людей тревожил!
Не мудрено, что, осознав,
Сколь был я темен, глуп, лукав,
Я цепенею, как от боли.

И мне себя не жаль ничуть...
Но, впрочем, в жалости ли суть?!
Спешим! И ни мгновенья доле!

Я тороплюсь в тот светлый склеп,
Где нет ни для кого различий,
Где человек, от смерти слеп,
Становится ее добычей.
Драконий дым, змеиный яд
Мой труп разложат, разъедят,
Глумясь над телом беззащитным.
А может статься, на беду,
Я вдруг за лакомство сойду
Драконьим детям ненасытным.

Однако, мыслимо вполне,
Что ни драконы и ни змеи
И не приблизятся ко мне,
Над слабым тешиться не смея.
Тогда — боязни вопреки —
Уйду в горючие пески,
Где львы голодные блуждают,
Затем, чтоб, пищей став для них,
Я наконец навек затих:
Мученья смертью побеждают!

Но если ни клыки, ни яд,
Ни все, чего не перечтете,
Как прежде не разъединят
Союз души и брэнной плоти,
Я сам, чтоб выклянчить покой,
Своей слабеющей рукой
Казню себя, проткнув кинжалом

Вот эту грудь, в чьей глубине,
Поддерживая жизнь во мне,
Струилась кровь потоком вялым.

Когда б вы знали, как я жил,
То волоса бы встали дыбом!
Кого лелеял, с кем дружил,
Каким подвергнут был ушибам!
Теперь я сам живой мертвец,
Ходячий призрак, не жилец,
Труп без укрытья гробового.
Я отвратителен во всем.
В существовании моем
Нет больше смысла никакого.

И хоть я вскорости умру,
Меня настолько гложет совесть,
Что даже этому перу
Велю на сем закончить повесть.
Обретши в радостях беду,
Отраду в гибели найду,
Прощаясь с вами, вас прощаю...
Спокойной ночи вам, родным
И милым... А врагам своим
Жизнь, что я прожил, завещаю!

Филипп Цезен

ОДА

Предрасветная звезда,
Не беда,
Если ты проспишь немного!
Ожидаячи зарю,
Говорю:
— Ну, помедли, ради бога!

Солнце, задержись в пути,
Не свети.

Дай понежиться влюбленным
Лишний час в ночном лесу
И росу
На ковре оставь зеленом.

Жарче всякого огня
Для меня
Тело дивное, родное.
И без хитрости скажу,
Что схожу —
Ах, с ума схожу от зноя!

Кто ее опишет взгляд,
Как велят
Мне мой дар и долг поэта?
Сердце, ты провозгласи:
— Не гаси
Эти звезды до рассвета!

Пусть сияют, пусть горят!
Говорят —
(Сам господь тому свидетель):
Радость юности нужна
И дружна
С пылким сердцем добродетель!

Ночь с любовью заодно!
И вино
В нас бурлит, к любви взывая,
Жар любви и огонь вина!
Рождена
Этой ночью жизнь живая.

К БОГОТВОРИМОЙ, РАВНЫХ СЕБЕ НЕ ИМЕЮЩЕЙ
РОЗЕМУНДЕ

О Роземунда, ангел мой, души моей царица!
Когда б ты знала, что со мной, беспомощным, творится!
Но ты не видишь слез моих, а им потерян счет...
Ты спишь, должно быть... Что я?! Нет! Сон и к тебе нейдет!

Мерцают траурным огнем небесные светила.
Боль сострадания — увы! — все небо охватила.
И среди звезд переполох, и лунный слышен стон:
«Да как же так?! Неужто жив без Роземунды он?!»

В линиялый кутается плащ сырая мгла ночная.
Оцепенела ночь, своих коней не погоняя.
Они бредут едва-едва по Млечному Пути.
Они от жалости ко мне не движутся почти.

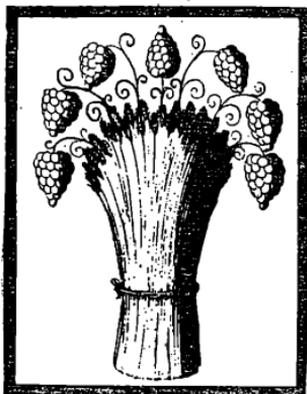
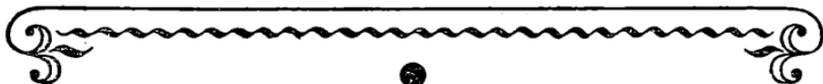
Чего-то медлит отпирать восток свои ворота.
В траве не блещут ни роса, ни солнца позолота.
Возможно, день целует ночь совсем в иных местах
И нас забыл. И оттого еще сильнее мой страх.

О Роземунда, алый рот, ах, рот, что роза алый!
Из-за тебя, ах, алый рот, мой ум мутится шалый.
Пошел паломничать мой рот, как некий пилигрим,
Чтоб, как к святыне всех святынь, припасть к губам твоим.

А как горят твои глаза, два дивных изумруда!
Их свет пронзил меня насквозь, свершив подобье чуда:
Я разглядеть тебя могу и в непроглядной тьме,
И сотни сотен тысяч раз лобзать тебя в уме!

В моей душе твой светит лик, и ты не удалишься.
Ты бесподобно хороша, когда ты веселишься.
Ни у кого я не встречал еще такой красоты,
Такой каштановой, такой распушенной косы!

А твой зовущий голосок, как звбнок он и сладок!
Я слышу зов самой любви! Меня трясет припадок!
Огонь мечу! Мечтой лечу под твой заветный кров.
Ах, будь я болен у тебя, как стал бы я здоров!

Иоганн Георг Грефлингер

ПРАЗДНИК

Пойте, шутите,
Сердцем цветите!
Душу заселим
Буйным весельем!
Слышится клич нам
В пенье скрипичном:
Нуте-ка спляшем
Девушкам нашим!..

Пальцы сплетемте.
— Может, пойдете?..
— Ну и намеки! —
Вспыхнули щеки.
Полно быть мрачной!
Стань новобрачной!..
Мрачен лишь олух
Среди веселых.

Мудрость природы —
Свадьбы да роды!
К играм весенним
Всех переженим:
Верное средство
Множить наследство!

Дай насладиться!..
Счастье плодиться!
Благо всем людям!
Мудрыми будем!
Жар не тушите!
Пойте! Пляшите!..

Ганс Гриммельсгаузен

ГИМН КРЕСТЬЯНСТВУ

На всей земле во все века
Клянут и давят мужика,
Но все, что пьем мы и едим,
Добыто не тобой, а им.

Чтоб род людской не подыхал,
Адам землю распахал.
Считай: от пахаря пошли
Все — в том числе и короли.

Чем жизнь красна и мир велик —
Вскормил и выходил мужик.
Насущный хлеб — земную рожь —
Ты из мужицких рук берешь.

Король — отечества оплот,
Нам богом посланный, и тот
Спешит крестьянство обобратить:
Иначе как прокормишь рать?

Из тех полуголодных сел
Плывет еда на барский стол,
От тех крестьянских рук и спин
Течет нам в глотку сладость вин.

Кто сердцем землю возлюбил,
Во славу ей дома срубил?
Зачах бы мир наверхняка,
Не будь на свете мужика!

Лишь одного я не пойму:
С чего б печалиться ему?
Хоть обделен мужик добром,
Зато весьма здоров нутром.

Он ладно скроен, крепко шит.
Его подагра не страшит —
Болезнь, что часто сводит в гроб
Иных сиятельных особ.

При этом всем от чванства он
Господней волей защищен:
Тех, кто влачит свой тяжкий крест,
Вовек гордыня не заест!

Мужик всему душевно рад:
Вломился в дом к нему солдат,
Корову отнял, хлеб забрал,
Чтоб носа он не задира!

Ангелус Силезиус

ИЗРЕЧЕНИЯ

Нет в мире ничего чудесней человека:
В нем бог и сатана соседствуют от века.

Как быть мне, если все во мне приют нашло:
Миг, вечность, утро, ночь, жизнь, смерть, добро и зло?!

Ты смотришь в небеса? Иль ты забыл о том,
Что бог — не в небесах, а здесь, в тебе самом?

Бог жив, пока я жив, в себе его храня.
Я без него ничто, но что он без меня?!

Постой! Что значит «бог»? Не дух, не плоть, не свет,
Не вера, не любовь, не призрак, не предмет,
Не зло и не добро, не в малом он, не в многом,
Он даже и не то, что именуют богом,
Не чувство он, не мысль, не звук, а только то,
О чем из всех из нас не ведают никто.

Спит праведник, во сне вкушая благодать.
А грешник молится и всем мешает спать.

Неутомимо то, что господом зовут:
Его покой — в труде, в его покое — труд.

Ты, грешник, сетуешь на то, что пал Адам?!
Не пал бы первым он, — ты б это сделал сам.

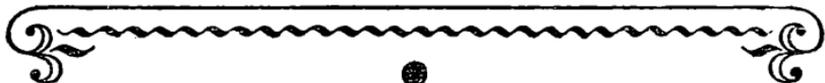
Когда богач твердит о бедности своей,
Поверь ему: он прав — он нищего бедней.

Как совершенно все, что вокруг себя мы зрим:
Стекляшка и алмаз, паук и серафим!

Ты царства божьего все требуешь от неба,
А сам для бедняка жалеешь корку хлеба!

Я, как господь, велик. Бог мал, что червь земной.
Итак: я — не под ним. И он — не надо мной.

Так кто же я такой, творенье чьих я рук,
Предмет и не предмет, и точка, и круг?

Зигмунд фон Биркен

МИР ГОВОРИТ

Ну что — дождалсь? Веселитесь, герон!
Я ваше веселье удвою, утрою:
Конец наступил ненавистой войне!
Живите! Топите раздоры в вине!
Братайтесь! Бросайте мечи и пищали —
От них только беды одни да печали,
Забудьте сварливых соперниц громов,
Которые крыши срывали с домов,
Из жерл извергали ревушее пламя,

Могильные рвы понабили телами,
Корежили стены, посевы пожгли,
Изгрызли зеленое лоно земли.
Сегодня велим этим бестиям лютым
В честь мирного праздника жажнуть салютом.
Ракеты затеят такой фейерверк,
Чтоб звезды поблекли, чтоб месяц померк!
Друзья музыканты! На дудке, на флейте
Валяйте играйте, труда не жалеите!
С чего наша радость? С чего этот пир?
Война околела! Рождается мир!
В честь мира на свете, в честь мирного мира
Исходит небесной мелодией лира,
Басят барабаны в драгунском полку,
В харчевне взлетают смычки к потолку!

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ ФЛОРИДАНА

Загромыхали телеги, подводы.
Ну-ка! Живей! Начинаются роды!
Всё на сносях!.. И поля и сады
Ждут не дождутся мгновенья рожденья:
Сам Флоридан собирает плоды!

Лает, стреляет, гуляет охота.
Ну-ка, в леса, кому дичи охота!
Будет обед восхитительный дан!
И в упоенье мясо оленье
Жадно подносит к губам Флоридан.

Ну-ка, красотки — крестьянки, селянки,
Живо несите шесты да стремянки!

Яблоки, груши сшибайте с ветвей!
Ждет Флоридан их — спелых, румяных.
Но и орешки он любит, ей-ей!

Ну-ка, за дело, друзья рыболовы!
Сети да удочки ваши готовы?
Хоть не поспите вы целую ночь,
Стоит помаяться: рыбка поймается!
А Флоридан и до раков охоч!

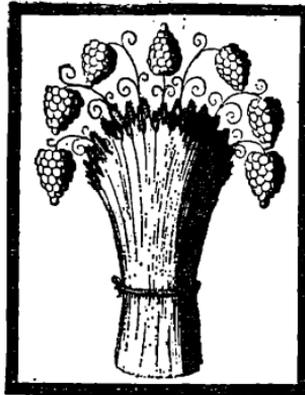
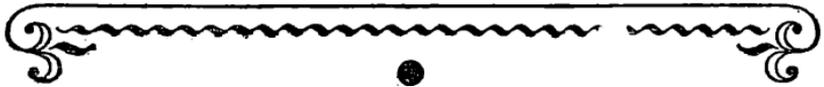
Можно немало в течение суток
Понастрелять перепелок и уток.
Ну-ка! Живей! Не пропал бы запал!
Гляньте, ребятки: да там — куропатки!
А Флоридан в лебедицу попал!

Гнутся к земле виноградные лозы.
Будет вино, когда грянут морозы!
Будет веселье и будет гульба!
Давит давило. Чтоб грудь не давило,
Все обойдет Флоридан погреба.

Ну-ка! Живее! В поля! В огороды!
Пусть громыхают телеги, подводы!
Ну-ка, живее! В леса и сады!
В чаще целуйтесь, чем чаще, тем слаще.
Будьте здоровы! Не знайте беды!

Жарко пусть любитя, сладко пусть спитя,
Сладко пусть пьется (но так, чтоб не спиться!),
Пусть умножается ваше добро!
Вольно пусть дышится, складно пусть пишется!
Славьте мотыгу, клинок и перо!

Выпейте вдоволь и вдоволь поешьте!
Душу разгульною песней потешьте!
Дружно на праздник скликайте друзей!
Пляшет средь ора пьяного хора
Сам Флоридан с королевой своей!

Катарина Регина фон Грейфенберг

О ПРЕСЛЕДУЕМОЙ И ВСЕ ЖЕ НЕОДОЛИМОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Нет большей радости, чем непреклонной быть
И, словно Геркулес, беде сопротивляться,
Перед могуществом во прахе не валяться,
Мужать в несчастьи и тем его избыть,

В борении с огнем и громом лавр добыть!..
В страданиях — сердцам и душам закаляться!..
Тому, что говорю, не нужно удивляться:
Лишь тот, кто смерть познал, способен жизнь любить!

Сломив напор врагов, достиг победы Кир,
И Цезарь скипетр свой добыл в суровом споре,
Филиппа гордый сын завоевал весь мир
Ценой тяжелых войн на суше и на море.

Так что они для нас, опасности и беды,
Как не зарок небес, как не залог победы?

К НОЧИ

Звезды, свет моих очей,
И луна, венец ночей,
Осветите шар земной
Светом ярким, как дневной.

Тишина — гробница дум,
Поглоти мой алчный ум,
В буйном сердце жар утишь,
Избавительная тишь!..

В неподвижной тишине
Спят в надзвездной вышине
Песни те, что возношу
Все тому, кем я дышу!

Как бы ни был сон глубок,
Пусть в меня вольется сок
Благодати и любви,—
Зло во мне останови!

Снов ночных подруга — тень,
Ночь, сменяющая день,
Пусть вконец не скроет мгла
Свет, что совесть в нас зажгла!

Ты, кто ночью или днем
В сердце царствуешь моем,
Дай мне, милостью велик,
И во сне узреть твой лик.

Пусть натруженным глазам
Отдых будет, что бальзам,
Но пускай, повитый тьмой
Только дух не дремлет мой!

Даниэль Каспер Лоэнштейн

ЛАБИРИНТ

Что кажется глупцу запутанным, обманным,
То в полной ясности доступно мудрецу.
Для зрячего простор отнюдь не скрыт туманом,
Затмившим солнца свет несчастному слепцу.
Кто праведен и мудр, вовек не ошибется,
Тропинку верную ища в кромешной мгле,
А дерзкий сумасброд и днем с пути собьется,
Найти небесный рай надеясь на земле.

По существу, мы все блуждаем в лабиринте,
Как в рапней юности, так и на склоне лет.
Куда же вы?.. Куда?! Мозгами пораскиньте!
Все ищут выхода. А выхода-то нет!
Влекут вас глупость, спесь, упрямство, похоть, злоба,
Своекорыстие, тщеславье, жадность, страх...
Каким вы способом дотащитесь до гроба?
Никто не ведает... А смерть-то — в двух шагах.

Вконец запутавшись, вы наконец умрете,
Едва успев шепнуть последнее прости.
Лишь пыль, труха и тлен останутся от плоти.
Ну, а душе куда прикажете брести?!

Блуждать ли в темноте по закоулкам смрадным
Иль, вознесясь, узреть в обители творца
Мир, оказавшийся вонистину громадным,
Бездонный кладезь благ, жизнь, коей нет конца?..

ВЕЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

На смерть господина Андреаса Грифиуса

Дух человеческий могуч и безграничен,
Охватывает он пространства и миры.
Им слабый ободрен, им смертный возвеличен,
И сам он дивный плод божественной игры.
В наш разум вложена таинственная сила.
Основу создал бог, все прочее — светила.

Да, тысячи чудес наш дух свершить способен,
В единстве с мудростью, в согласии с умом.
Не он ли знанием земли богоподобен,
Природу ощутив, как свой отцовский дом?

Да, знание найдет невидимые входы
В глубины бытия, в ядро самой природы!

Дух человеческий! Святой источник света!
Единственный творец истории земли!
Смолкает ураган пред лирою поэта,
Внимают струнам арф и чернь и короли!
Смягчи ж наш волчий нрав, открой дорогу праву,
Раздробленный наш мир сплоти в одну державу!

Порой томится дух в земном пространстве тесном.
Он, богом созданный, стремится к божеству,
Одушевляя связь житейского с небесным,
Давая высший смысл земному естеству.
Так в письменах святых он указывает строки:
Бог — в вере и в любви, безбожие — в пороке.

Да, мастер Грифиус был воплощеньем духа,
Примером истины, прообразом добра.
Его могучий глас достиг господня слуха,
Мир заново восстал из-под его пера.
Он сам, исполненный великого дерзанья,
Был враг всезпайства, однобокости, незнания.

Так неужели смерть подобный дух сломила?
Ужель бессмертнейший обязан умереть?
Иль у всесильнейшего вдруг иссякла сила,
Чтоб собственную смерть с лица земли стереть?
Ужели череп сей — вместилище вселенной —
Наполнится трухой, червями, гнилью тленной?

К несчастью, это — так. Он мертв, а смерть глуха.
Кто выбран в жертву ей, тот будет уничтожен.

Что ей могучий ум? Что дивный звук стиха?
Не все ли ей равно, велик ты иль ничтожен?
По звездам наши дни считает предсказатель,
Меж тем за ним самим спешит гробокопатель.

Треть Грифиуса — плоть — исчезнет без следа.
Но будут жить в веках две остальные трети.
Огонь его души, плоды его труда,
Сквозь время пронесут земли немецкой дети!
И славе его жить! И имя его свято,
Пока отечество поэтами богато!

Он, редкой памятью когда-то обладавший,
Из памяти своих потомков не уйдет!
О, как же он богат, все людям раздававший!
Над ним не властны жар, гром, ужас, пламя, гнет.
Пусть триумфальные повалятся колонны!
Мы в душах строим храм. А души — непреклонны!

Даниэль Георг Морхоф

ЭПИГРАММЫ

Доктору Мартину Лютеру

Рим покорил весь мир, а папство Рим сгубило,
Он силой действовал, оно коварством било.
Но Лютер папство смял и пересилил Рим,
Как лезвием меча, разя пером своим.
Что́ боги Греции, что́ чудо-исполины,
Когда перо сильнее Геракловой дубины?

Виноторговцу, утонувшему в реке

Он перепил вина и поглощен водою:

Такое плаванье кончается бедою.

Но он и трезвым бы отправился на дно:

О плут, с водой привык он смешивать вино!

Скряга

Он ходит по земле, клад скрыт на дне оврага.

Клад вынут из земли, а в землю ляжет скряга,

Христиан Вейзе

БЛАГИЕ МЫСЛИ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Неблагодарный мир!.. По лестнице тащусь
И правду всякий раз ее постигнуть тшусь,
Поскольку поражен ее долготерпеньем.
Все вверх и вверх иду я по ее ступеням,
А благодарность где? Ну, чем я ей плачу?
Не тем ли попросту, что я ее топчу
И причиняю ей одни лишь беспокойства?!
Так вот он — мерзостный закон мироустройства:
Чем мы услужливей, чем мы верней другим,

Чем безответнее, тем хуже нам самим.
Простите же меня, высокие ступени!
От вас не слышал я ни жалобы, ни пени.
Ведь я подобен вам: на службе у других
Я унижаюсь сам и возвышаю их.
Они по мне, спеша, на самый верх шагают.
Не то что жалуют, не то что помогают,
А топчут! Верите ли, втоптывают в грязь,
Не зная совести, расплаты не боясь!
Как быть, коль на земле попрали добродетель?
(Вы это знаете, и я тому свидетель.)
Я утешение иное нахожу:
Кому могу служить, тому я и служу,
Стараюсь не роптать на горестную долю
И в этом высшую усматриваю волю.

НЕОЖИДАННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСТУПАЮЩЕЙ СТАРОСТИ

Намедни заглянул в свой загородный дом.
Ах, что я там застал! Воистину — разгром!
Дверь с петель сорвана, пол всюду провалился.
Дождь-злоумышленник сквозь крышу просочился,
Я прибегаю к старосте.
А он: — Дом сгнил от старости!.. —
Так, сразу истинной причины не найдя,
Беду я осознал немного погодя:
Мой дом состарился... так что же?
Я сам намного ли моложе?

Здесь чудо-яблонька мой радовала взор,
И что б вы думали? Ее срубил топор!

Аллеи поросли травой. И зачихли
Чудесные цветы, что так волшебно пахли.
Я вновь пеняю старосте.
А он: — Все дело в старости!.. —
Так, стоя над давно увядшими цветами,
Подумал я о том, что вскоре будет с нами.
Мой сад состарился... Ну, что же?
Я сам намного ли моложе?..

Старушку я узрел, немало удивлен:
Чтоб время скоротать, она трепала лен.
Она была глуха, была подслеповата.
Невестой старосты я знал ее когда-то.
И я, подобно старосте,
Вздыхнул: — Проклятье старости!.. —
За свадебным столом сидел я рядом с ними,
Кого с почтеньем величали «молодыми».
И вот они состарились... Ну, что же?
Я сам намного ли моложе?

Итак, прощай, мой сад, прощай, мой старый дом,
Прощай, моя земля!.. Я думаю о том,
Что долгих лет — увьи! — нам время не дарует,
А все наоборот: остаток сил ворует.
Но надобно без ярости
Идти навстречу старости.
Чему бывать, того никак не миновать,
И посему, друзья, не надо унывать.
Состарившись, перед концом
Не будь хотя б несмысленным юнцом!..

ПОЭТАМ НАДОБНО ВЛЮБЛЯТЬСЯ

1

Не надо от меня
Любовных песен ждать.
Я с нынешнего дня
Их не могу создать.
В саду желта трава,
Мой тополь облетает,
Зима в свои права
Безжалостно вступает.

2

Охоты никакой
Писать о чем-нибудь.
Остужена тоской,
Заиндевила грудь.
Кто может серебро
Без пламени расплавить?
Как холодное перо
Пылать огнем заставить?

3

Я мрачен, хмур и стар.
Где вновь веселье взять?
Утратившему жар,
Любовь не навязать.
Печаль, как яд в крови.
Жизнь тусклым светит светом.
Зачахнет без любви
Тот, кто рожден поэтом.

4

Утратив жизни сласть,
 Утратив жизни соль,
 Что воспевать? Что клясть?
 Отраду или боль?
 Наверно, все равно!
 Я знаю все уловки:
 Любовь ли, кровь ли... Но
 Мне тошно от рифмовки!

5

Смешон и жалок мне,
 Кто, молодость сгубя,
 Танцует в тишине,
 Мурлыча про себя.
 Смешон и жалок стих,
 Возникший без команды
 Восторгов, чувств моих:—
 Танцор без сарабанды!

6

Так навсегда прощай,
 Любовной лиры глас!
 Ах, не отягощай
 Разлуки скорой час!
 К стихам вернусь я вновь,
 Связав иные нити...
 Но песен про любовь
 Вы от меня не ждите!..

Абрагам а Санта Клара

ЭПИТАФИЯ СТАРУХИ

Костылик, палочка, клюка
Лежат со мною рядом.
Моя могила глубока,
Темна и пахнет смрадом,
Дожив до старости, увы,
Я все познала сроки:
Парик свалился с головы
И провалились щеки.

То жгло кишки, то ныла грудь,
То мучила простуда:
И головы не повернуть,
И горб, как у верблюда.
Тьфу! Право, оторопь берет,
Как вспомню гнусный кашель.
Пуст, что кошель, беззубый рот,
Чего он просит? Каши ль?
Горбушку три часа жуешь,
И то, когда намочишь...
Вот так-то в старости живешь,
А умирать не хочешь!..
Судьбе покорные во всем
(«Си» жизнь сыграла в гамме),
Мы в такт мелодии трясем
Седыми головами.
Но ощутивши ледяной,
Смертельный холод в теле,
Мы, старики, любой ценой
Отсрочить смерть хотели.
Я стала господу молить,
К нему вздымая руки:
Не для того, чтоб жизнь продлить,—
Из страха вечной муки!

ВОЙНА

Литавры бухают, и барабан рокочет,
Труба не устает надсадно завывать.
Кто дюжий меч вострит, кто с жаром саблю точит...
Вот если бы князьям самим повоевать!

Всех ненависть грызет и гложет, как вампир.
Народ — убойный скот, а бойня — целый мир.

Под шлемом — голова. Грудь давит сталь кирасы.
Железным пугалом стал нынче человек.
Железом чванятся мальчишки-лоботрясы.
В железе — старики... О, наш железный век!
Не от того ль нас бьет господь кнутом железным,
Что нас увещевать почел он бесполезным?!

НОЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

По улицам ночным,
По переулкам спящим —
Четыре дурака —
Мы инструменты тащим.

Почувствовав в груди
Любовную истому,
Мы с музыкой своей
Бредем от дома к дому.

Едва взойдет луна,
Мы серенаду грянем:
Пиликаем, бренчим,
Басим и барабаним.

«Прелестница, очнись
Скорее от дремоты!
Здесь, под твоим окном,
Мы разложили ноты.

Ах, осчастливит нас
Одна твоя улыбка!»
Вздыхает барабан,
Тихонько просит скрипка.

«Твой взгляд дороже всей
Небесной благодати!» —
Поет гобой д'амур¹,
У лютни на подхвате.

«Мы будем здесь стоять
Хоть до восхода солнца,
Пока ты наконец
Не выглянешь в оконце!

Все арии тогда
Тебе споем мы хором,
С закатываньем глаз,
Со струнным перебором.

А коль ночной дозор
Пройдется по кварталу,
Мы ноги пустим в ход,
Чтоб шее не попало!

Вот так мы и живем,
Шатаясь где придется,
И пусть честной народ
Над дурнями смеется,

¹ Г о б о й д' а м у р (*франц.*) — «гобой любви», старинный музыкальный инструмент.

По улицам ночным
Мы с музыкой кочуем,
В надежде, что хоть раз
С тобой переночуем!».

Квиринус Кульман

ИЗМЕНЧИВАЯ СУЩНОСТЬ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Вот оно: мрак, чад, бой, хлад, юг, восток, запад, север,
Солнце, море, ветер, огонь и
Ужас: «Вдруг не помогут?!»
На это: свет, синь, кровь, снег, зной, жар, прохлада, мороз,
Сиянье, берег, затишье, пожар и
Гнусных издевок гогот.

Гнет, страх, крик «ах!», боль, вопль, яд, лесть, чернота
коварства.

Но будет: гнет свобода согнет, страх — в прах! Боль
обезболь!
Вот оно — от всех болезней лекарство!

Луна, огонь, алмаз, дым, овца, деревцо, аист, рыба.
Кому ночь нужна, кому печь пужна, кому оправа, кому
труба,
Кому луг, кому сад, кому гнездо. Кто за озеро скажет
спасибо!

Хлебу нужен желудок,
Мысли — рассудок.

Стрелок, человек, прилежанье, искусство, игра,
Рот, корабль; принц, горе, месть, верность, стяжанье,
Бог...

Каждому нужно свое:
Цель, место для сна, поощренье, награда, добрая ссора,
Поцелуй, возвращение в порт, трон, могила, убийство,
любовь,

Святая молитва...

Что считается сильным, добрым, весомым, прямым, длинным,
Белым, большим, одиноким,
Что, как воздух, всесуще и высоко, что огонь,
Не сойдется со слабым, злым, легким,
Кривым и широким,
Черным, маленьким, с цифрами «девять» и «три».
И ни землю, ни воду они не приемлют!

Так отвага, любовь, острословие, ум, слава, радость,
Красота и веселье покинут тотчас же края,
Где царят лицемерье, трусость, вражда,

Тугодумье, глупость, бесславье и скука,
Где уродство соседствует с тошнотворной тоской.

Все меняется в мире, все любит и все ненавидит,
Тот, кто это поймет, кто воочию это увидит,
Тот узнает,
Как род наш устроен людской.

ОЧЕРТАНЬЕ ПРИМЕТ ПЛОТЬ

И очертанье да воспримет плоть!
В один народ сольются все народы.
В своем единстве триедин господь.
В зерне сокрыты триединства всходы.
Во мне самом воссоздан сын господень,
Пусть и у вас, в сердечной глубине,
Он вызреет, прекрасен и свободен.
Вы господя обрящете во мне.
Не тысячу дробить на единицы,
А в тысяче им воссоединиться!

Единой силой четырех ветров
Единозвучье держится земное.
В неисчислимом множестве миров —
Чертеж еще несозданного мною.
Мой разум размышленьем поглощен.
Смысл величайших истин мне открылся.
В дыханье сына дух мой воплощен,
Мной выплеснут, в любви он растворился.
И означало это вознесенье
Людского рода вечное спасенье.

Обожествленный, днесь являюсь к вам.
Я — господа вернейшее зеркало.
Я — как перед падением Адам:
В нем первое прозрение зеркало!
Что света свет, светильник светел мой.
И высшему добру во угожденье,
Мой сын, вступив в единоборство с тьмой,
Рождает свет, сам света порожденье.
И, светоносным наделенный даром,
Он огненным, отцовым пышет жаром.

Как знать, когда утратили меня
Народы, распыленные Адамом?
Но вас, от распыления храня,
К себе зову, и к общности тем самым.
О вас печалюсь, мы явились с сыном
Проклятье, что на вас, перебороть.
Да станет человечество единым!
И очертанье да воспримет плоть!
И в этом мы дотоле не смиримся,
Пока во всех сердцах не воцаримся!

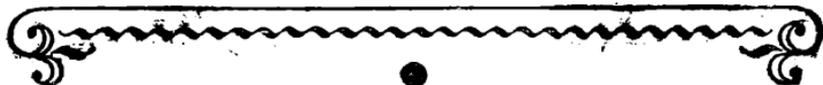

Готфрид Арнольд

МИР НА ЗЕМЛЕ

Как прохладный ветерок
Средь полуденного зноя,
Мир приходит в должный срок
К нам, измученным войною.
Мудрено ль меня понять?
Знают все, как сладко снова
Друга давнего обнять
После спора затяжного!
Ах, расти, расти во мне,

Дивный мир новорожденный,
Зрей в сердечной глубине,
Пой в душе освобожденной,
Вышим счастьем окрыленной!..
Возликуй, моя душа,
Королевою влюбленной!..

Иоганн Христиан Гюнкер

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Братья, братья, прочь тоску!
Вешний день ловите!
Солнце ластится к листку!
Радуйтесь! Любите!
Темен, слеп, бездушен рок.
Смерть близка... Так в должный срок
Розу жизни рвите!

Жизнь уносится стремглав,
Словно в небо птица.
Эту истину познав,
Нужно торопиться.
Ждет гробов разверстых пасть,
Поспешите ж, братья, власть
Радостью упиться!

Ах, куда ушли от нас,
Кто совсем недавно
Молод был, как мы сейчас,
Веселился славно?
Их засыпали пески,
Их могилы глубоки.
Время так злонравно!

На погосте мертвецы
Под плитой глухою —
Наши деды и отцы,
Ставшие трухою.
Колокольный слышен звон.
Кто созрел для похорон?
Может, мы с тобою?..

Но в гаданьях проку нет.
Небо справедливо.
Мы же предков чтим завет:
Пьем вино и пиво!
Эй! От жажды сохнет рот!
Братья! Жизнь полна щедрот!
Наливайте, живо!

Поднимаю сей стакан
За свою отраду,

Ты, в чьем брюхе мальчуган
Зреет мне в награду.
Ну, так выпьем! А засим
Хором вновь провозгласим:
Слава винограду!

ПРОСНУВШАЯСЯ ПЕЧАЛЬ

Любовь сегодня пробудила
Печаль, что сердце бередила
И растревляла душу мне.
В груди проснулся стон протяжный,
Слеза дрожит росинкой влажной,
В сердечной вызрев глубине.

Тревога, спавшая доселе,
Вспугнула лень в моей постели
И не дала забыться сном,
Туда зовя меня всецело,
Где Одиночество воссело
На камень, на сердце моем.

Ах, чуя близкую разлуку,
Душа испытывает муку...
Ты рядом, за стеной, жила,
И то, бывало, как страдаю!
Теперь же Швейдниц покидаю,
Лишившись хлеба и угла.

Мольбы мои, упреки, грезы
Безмолвно б высказали слезы,
Но сушит их нещадный страх.

Кому печаль свою поверю?
Глухой стене? Лесному зверю?
Иль буре, воющей в горах?

Чем ты, дитя, добросердечней,
Тем злей, жесточе, бесконечней
Боль, что в груди свдеи так.
О, неужель с себя не сброшу
Молчанья горестную ношу,
Поведав исповедь мою?

Но я страшусь!.. О мир проклятый,
Где каждый встречный — соглядатай,
Где осторожность не спасет:
Дверь затворишь — подсмотрят в щелку,
А то, что скажешь втихомолку,
По свету эхо разнесет.

Одна лишь ты на целом свете
Надежно сохранишь в секрете
То, что тебе доверил друг:
Его понявши с полуслова,
Ты разделить уже готова
Его мучительный недуг.

Он обречен, он пропадает,
К твоей груди он припадает,
Изранен смертною тоской.
Так голубь, бурюю гонимый,
Прильнувши к горлице родимой,
Найдет спасенье и покой.

УЖЕЛЬ, ПРЕЛЕСТНИЦА МЛАДАЯ...

Ужель, прелестница младая,
Твоей груди остынет зной,
Когда, как роза, увядая
За монастырскою стеной,
Недобрым людям на потребу,
Ты плоть свою подарить небу?!

Ах, в тесной келье, в смертной скуке
Надежд на будущее нет.
Здесь дьявольские зреют муки,
Здесь жизни угасает свет.
И вина сладостные киснут,
Когда тебя в застенок втиснут.

От воздержанья печень пухнет,
Смерть наступает от тоски.
Покуда девственность не рухнет,
Мученья девы велики.
Так не лишай себя свободы,
Укрывшись под глухие своды!

Спеш! Найдем другую келью!
Амуром дверь отворена.
И пусть над нашею постелью
Он начертает письма:
«Приют мой да послужит храмом
Прекраснейшим на свете дамам!»

Ведь грудь твоя — алтарь священный,
Ведь благовошь — запах твой.

В слиянье плоти сокровенной
Свершим молебен огневой,
Чтоб под «аминь!» прильнул к тебе я,
Блаженной слабостью слабея,

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Уже умолк вечерний звон.
Работа спит. Проснулся сон.
Ведомый солнцем заходящим,
Табун бредет на водопой.
День завершил свой круг земной,
И ночь глаза смежает спящим.

Твоя ничтожнейшая тварь,
Я сознаю, небесный царь,
Сколь нынче был мой путь греховен,
Сколь был я нагл, себялюбив,
Сколь мерзок, богу изменив,
И как я пред тобой виновен!

Но крохи милости твоей
Неизмеримо тяжелей
Грехов, что центнерами мерить!
И, как бы не был дух мой слаб,
Молю тебя, твой жалкий раб,
В мое раскаянье поверить.

О, молви: «Сын мой, ты прощен!
Змей-искуситель укрошен.
Лишь бог живет в тебе отныне!»

И выйду я на верный путь,
Существованья смысл и суть
Познав в господней благостыне,

Я песнь вечернюю свою
Смиренно в жертву отдаю
Тебе, всех сущих повелитель.
В груди моей, небесный царь,
Сияет жертвенный алтарь:
Ты — душ истерзанных целитель!

О Иисусе, царь царей,
Всесильный в кротости своей,
Заступник мой, моя опора,
Явись ко мне и докажи,
Что я, отрекшийся от лжи,
Спасен от вечного позора.

Дух высшей истины! Гряди!
Затеpli огонь в моей груди,
Чтоб средь кромешного тумана
И непроглядной темноты
Дорогу освещал мне ты —
Не жалкий луч самообмана.

Ты руку надо мной простер.
Но, глядячи в ночной простор,
Ищу твой лик тревожным взглядом.
И в одиночестве зову
Тебя во сне, как наяву:
«Отец мой! Будь со мною рядом!

Не покидай, великий бог,
Меня среди ночных тревог.

И пусть, едва сомкну я очи,
Твой ангел явится ко мне
И оградит меня во сне
От ненавистных чудищ ночи.

Тебе подвластный одному,
Я все бестрепетно приму
И все сочту веленьем божьим,
Пусть станет в бытии земном
Мне этот сон последним сном,
А ложе это — смертным ложем.

Но если пощадишь меня
И солнце завтрашнего дня
Я восприму как дар волшебный,
То, отогнав недобрый рок,
Мне повели проснуться в срок
И дай пропеть свой гимн хвалебный!»

ТЕРПИМОСТЬ, СОВЕСТЛИВОСТЬ...

Терпимость, совесть, миролюбие, честь,
Прилежность, набожность, усердие в работе...
Ну! Как вас там еще?.. Всех вас не перечесть,
Что добродетелями вечными слывете!
Клянусь вам, что не я — беда моя виной
Тому, что некогда вы овладели мной!
Но я служил вам и не требую прощенья!
Однако я постиг и понял вашу суть.
Спешите же других завлечь и обмануть:
Я вновь не попадусь на ваши ухищренья!

О, скопище лжецов, о, подлые скоты,
Что сладко о добре и кротости вещают!
Спасение сулят погибшим ваши рты,
А нищим вечное блаженство обещают.
Так где ж он, ваш господь? Где он, спаситель ваш,
Который все простит, коль все ему отдашь,
Как вы внушаете?.. Где сын его чудесный?
А где же дух святой — целитель душ больных?
Пусть явятся! Ведь я больней всех остальных!
Иль маловато сил у троицы небесной?!

Личина сорвана, нелепых басен плод!
И все ж я сознаю: есть существо над нами,
Которое казнит, беду и гибель шлет,
И я... я избрал им лежать в зловонной яме.
Порой оно спешит, чтобы меня поднять,
Но вовсе не затем, чтоб боль мою унять,
А смертных поразить прощением притворным,
То, указав мне цель, влечет к делам благим
И тут же мне велит сопротивляться им,
Чтоб счел меня весь мир преступником позорным.

Так вот он где, исток несчастья моего!
Награда мне за труд — нужда, обиды, хвори.
Ни теплого угла, ни денег — ничего.
Гогочут остряки, меня узревши в горе.
В бездушье схожие — заметь! — с тобой, творец,
Друг оттолкнул меня, отвергли мать, отец,
Я ненавистен всем и ничего не стою.
Что породил мой ум, то вызывает смех.
Малейший промах мой возводят в смертный грех,
Душа очернена усердной клеветой.

Когда бы я и впрямь хотя б кого-нибудь
Презреньем оскорбил, обидел нелюбовью,
Насмешкой дерзкою невольно ранил в грудь
Иль отдал бы во власть жестокому злословью,—
То, веришь ли, господь, я даже был бы рад,
Расплату понеся, навечно кануть в ад
Иль стать добычею тех самых темных духов,
О коих у твоих прилежных христиан
За десять сотен лет в пределах разных стран
Скопилось множество пустых и вздорных слухов.

О ты, который есть начало всех начал!
Что значит поворот вселенского кормила?
Скажи, зачем в ту ночь отец меня зачал?
Зачем ты сделал так, что мать меня вскормила?
Когда б тобой на жизнь я не был осужден,
Я был бы среди тех, кто вовсе не рожден,
В небытии покой вкушая беспредельный.
Но созданный твоей всевластной рукой,
Вериги нищеты влачу я день-деньской,
И каждый миг меня колотит страх смертельный.

Будь проклят этот мир! Будь проклят свет дневной!
Будь трижды проклято мое долготерпенье!
Оставь меня, но вновь не тешься надо мной,
Не умножай мой страх! Даруй мне утешенье!
Христос, спаситель мой! Я вновь тебе молюсь,
В бессилии в твои объятия валюсь:
Моя земная жизнь страшней любого ада.
Я чую ад внутри, я чую ад вовне.
Так что ж способно дать успокоенье мне?
Лишь только смерть моя или твоя пощада!

К ОТЕЧЕСТВУ

Прощай, бесценная когда-то,
Меня родившая страна!
Ты смертным ужасом объята.
Будь в близкой буре спасена!
Тебя покинув, я оставлю
Позор, обиды, зависть, травлю,
Друзей предательскую спесь.
Страна разбойничьих законов!
Клянусь, что в обществе драконов
Я был бы счастливей, чем здесь.

Ты вся пропитана обманом.
Честь, совесть, вера — все труха.
К моим стенам непрерывным
Ты равнодушна и глуха.
Жестокосердная Леена!¹
Как из родительского плена
Твоим сынам свершить побег?
На что тебе их ум! Их знанья?
Чтоб скрыть иные злодеянья?!
О лживый мир! О подлый век!

Мать сына в горе не оставит,
А коли сбился он с пути,
На верный путь его наставит,
Поможет истину найти.

¹ Афинская гетера, воплощение непреклонности. Изображается в виде львицы.

Но ты иначе поступала:
Мне яд в лекарства подсыпала,
И не из праха подняла,
А чтоб свои покрыть убытки,
Меня ограбила до нитки,
Убийц презренных наняла.

Ну, что ж! Неправда правит миром.
Вот пастыри твои стоят:
В пустых сердцах, обросших жиром,
Лишь похоть гнусную таят.
Тартюфы, трутни и мерзавцы,
Мздоимцы и хриstopродавцы,
Они не выпустят из лап
Страну, захваченную ими,
Задохшуюся в смрадном дыме,—
Кумиры толп, любимцы баб!

Здесь предрассудок мысль хоронит,
Богач пинает бедняка,
Ликует гнет, свобода стонет,
Терзает ворог голубка.
Ростовщики — враги Христовы —
Скупить отечество готовы
И в роскоши проводят дни.
Своекорыстные злодеи —
По сути те же иудеи,
Хоть не обрезаны они!

А на таможне, где граница,
Я только слышу что ни день:
Что стоит шерсть? Почему пшеница?

Какие цены на ячмень?
Мужи германские устали.
А чем же наши дамы стали?
Достаточно взглянуть на них:
Одни румяна да белила!
Давно их Женственность забыла
И только Глупость любит их.

В таком безмерном запустенье
Я вижу родину свою.
Она — зачахшее растение.
Ее с трудом я узнаю.
Ни вдохновения, ни мысли —
Они давным-давно прокисли
В удушье мерзостной тюрьмы.
Плоды искусства затерялись.
И тщетно мир спасти старались
Святые, светлые умы!

Страшусь! Гремят раскаты грома.
Холодный ветер тучи мчит.
Враги теснятся возле дома.
Рука расплаты в дверь стучит.
Что мне презренье? Что мне кара?
Стою, как Биапт¹ средь пожара,
Покорен року своему.
С тобой не свидимся мы снова.
Но даже воздуха родного
Глотка с собой я не возьму.

¹ Один из семи античных мудрецов.

ПРИ ВРУЧЕНИИ ЕЙ ПЕРСТНЯ
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЧЕРЕПА

Сей дар любви, сей дар сердечный —
Грядущий образ мой и твой.
Да не страшится разум вечный
Бесплотной тени гробовой!
Но как сроднить вас, лед и пламень,
Любовь и надмогильный камень,
Вас, буйный цвет и бранный прах?
Любовь и смерть, равна их сила,
Что все в себе соединила,
И мы — ничто — в ее руках.
Кольцо исполнено значенья.
В червонном золоте кольца —
Нетленность чувства, жар влеченья,
Друг другу верность до конца.
А бедный череп к нам взывает:
В гробу желаний не бывает,
Ни жизни нет там, ни любви.
Мы строим на песке зыбучем!
Так торопись! В лобзанье жгучем
Миг ускользящий лови!

ПРИМЕЧАНИЯ

Вечность. Это стихотворение неизвестного автора (в некоторых собраниях оно печатается, как народная песня XVII в.) послужило первоосновой для множества подражаний и вариаций, вплоть до стихотворения Гейне «Вечность, ох, как ты долга» из цикла «К Лазарю». См. также стихотворение «Вечность» Иоганна Риста (стр. 76), представляющее собой одну из ранних обработок первоначального текста.

Георг Рудольф Векерлип (1584—1653). Поэт и теоретик поэзии, еще до Опица (см. ниже) начавший реформу немецкого стиха. Векерлипу принадлежат большие заслуги в борьбе против застоя латыни, за утверждение немецкого языка.

Фридрих Шпее — собственно Фридрих Шпее фон Лангенфельд (1591—1635). Примечателен прежде всего необыкновенной биографией. Иезуит, священник и профессор теологии, он долгое время был непосредственным свидетелем казней, совершаемых инквизицией: на Шпее возлагалась обязанность исповедовать и сопровождать на костер осужденных по «делам ведьм». В 1631 году выпустил анонимное сочинение на латинском языке, в котором,

обращаясь к немецким правителям, церковникам и судьям, доказывал, что среди казнимых ими людей нет ни одного виновного. Умер в осажденном Трире, заразившись чумой во время ухода за больными. К с а в е р и й. Исторический Ксаверий — один из первых христианских миссионеров на востоке Азии. В 1550 году прибыл в Японию. Однако в стихотворении Шнее Ксаверий выступает не столько как религиозный проповедник, сколько как олицетворение душевной бодрости, мужества, лихости, далекий от всякого религиозного аскетизма. Интонационно и лексически стихотворение целиком относится к поэзии Тридцатилетней войны.

Ю л и у с Ц и н к г р е ф (1591—1635) — собиратель пословиц, издатель лирической антологии, ставшей одним из первых в Европе «Альманахов муз». В 1622 году вышла книга его стихов «Шохвальба солдата». Сблизившись с Опицем, в 1624 году издал его «Книгу о немецком стихотворстве». Спасаясь от бедствий войны, скитался по многим немецким городам. Умер от чумы.

М а р т и н О п и ц (1597—1639) — поэт, теоретик литературы, переводчик и реформатор стиха. «Реформа Опица» — введение в немецкий стих силлабо-тоники, то есть правильного чередования высоких (ударных) и низких (безударных) слогов — началась с его борьбы «против издевательства над немецкой речью», искусственного подражательства античным образцам, засилия латыни, чужеземных влияний. В то же время теоретическая и практическая деятельность Опица не проходила в стороне от крупнейших явлений европейской поэзии.

Опиц высоко ставил место поэта в жизни общества, предъявлял к поэтам и поэзии строгие нравственные и профессиональные требования. Пользуясь при жизни огромной славой, связанный со многими государственными и политическими деятелями Европы, Опиц был одной из самых заметных фигур немецкой истории XVII века. Умер от чумы.

Р о б е р т Р о б е р т и н (1600—1648).— В качестве домашнего учителя провел ряд лет за границей — в Нидерландах, во Франции,

в Италии. Возвратившись на родину, в Кёнигсберг, стал видным лицом при курфюрсте, покровителем местного кружка поэтов. Стихи Робертина, весьма немногочисленные, положены на музыку и были в XVII веке популярными ариями.

Фридрих Логау (1604—1655) — виднейший политический сатирик XVII века. Написал более трех тысяч эпigramм, сатирических миниатюр, исполненных глубокого смысла и гражданского пафоса. В XVIII веке его стихи были запово открыты и изданы Лессингом, который назвал Логау «пенсчерпаемым».

Симон Дах (1605—1659).— Был скрипачом, домашним учителем. Многие стихи написаны им по «заказам», которые поступали в Кёнигсберг со всей Германии. Так, «Анке из Тарау», ставшую народной песней, Дах сочинил по заказу на свадьбу совершенно постороннего лица.

Даниэль Чепко (1605—1660).— Изучал в Лейпциге медицину, в Страсбурге — юриспруденцию. У себя на родине, в Силезии, подвергался религиозным преследованиям, как протестант. Большинство его стихотворных афоризмов увидело свет лишь после его смерти.

Пауль Гергардт (1607—1676).— Был дьяконом в Николаи-кирхе в Берлине. Автор известных духовных песен и гимнов, положенных на музыку виднейшими композиторами, в том числе Бахом (например, стихотворение «Перед распятием» — текст баховского хорала № 244). Примечательно высказывание знаменитого ученого и писателя, гуманиста наших дней, Альберта Швейцера, который в своей книге «И.-С. Бах» писал: «Пауль Гергардт — король духовных певцов... Его песни полны силы и скромного благочестия и изложены благородным языком народа».

Иоганн Рист (1607—1667) — голштинский пастор, основатель литературного кружка «Орден эльбских лебедей». В 1628 году бежал из Ростка от наступавших войск Валленштейна, но и в дальнейшем не раз сталкивался с ужасами и бедствиями войны.

Рист принадлежит к числу наиболее образованных людей сво-

его времени. Он был теологом, медиком, математиком. Автор многих стихов, духовных песен, более тридцати пьес.

Георг Филипп Гарсдерфер (1607—1658) — поэт и теоретик, основатель литературного кружка «Пегницкий цветочный орден». Автор сборника «Поэтическая воропка» (1647), двухтомного собрания «Арена развлекательных и поучительных стихотворений» (1650), переводов из французской, итальянской и испанской поэзии. Выпустил первую в Европе энциклопедию для женщин — «Женская игра в разговоры».

Пауль Флеминг (1609—1640).— Учился в Лейпциге. По образованию врач. С нашей страной Флеминга связывает не только участие в дипломатической миссии Олеария (1633—1634), немецкого ученого и путешественника, когда Флеминг посетил Москву, Нижний Новгород, Астрахань, но и пребывание в Ревеле (нынешнем Таллине), где он основал литературный «Пастушеский кружок». Стихи Флеминга были изданы после его смерти Олеарием в 1641 году. Несколько его сонетов («Москве» и др.) в XVIII веке перевел на русский язык А. П. Сумароков. Великому городу Москве в день расставания *...Голштинии родня...*— Имеется в виду родство голштинского герцога Фридриха III Готторпа с московским двором.

Исайя Ромплер фон Лёвепгальт (1610—?).— Входил в литературное «Общество сосны» в Страсбурге. Сборник стихов издан в 1647 году.

Андреас Чернинг (1611—1659).— Считается последователем и приверженцем Опица, чью «Книгу о немецком стихотворстве» он пытался переиздать с собственными примечаниями и дополнениями. Был профессором поэзии в Ростоке.

Иоганн Клай (1616—1656) — один из основателей литературного «Общества цветов». Учился в Виттенберге, после чего переселился в Нюрнберг, а позднее стал священником в Китцингене на Майне. Большим успехом пользовались написанные им тексты духовных и светских ораторий.

А н д р е а с Г р и ф ф и у с (1616—1664) — один из крупнейших европейских поэтов XVII века. Родился в Гросглогау. С детства испытал на себе лишения и тяготы, связанные с Тридцатилетней войной и политическим кризисом в Германии. После путешествий во Францию и в Италию, с 1650 года до самой смерти жил на родине. Его стихи считаются наиболее достоверным поэтическим документом времени. Кроме того, Гриффиус принадлежит к наиболее значительным немецким драматургам XVII века. Он автор тираноборческих трагедий «Лев Армянин» и «Екатерина Грузинская», бытовой драмы «Возлюбленная Роза» и др. Первый сборник стихов Гриффиуса был издан во Флоренции в 1644 году.

Х р и с т и а н Г о ф м а н с в а л ь д а у (1617—1679).— Учился в Лейдене. Возглавлял так называемую «Вторую силезскую школу» поэтов. Совершил путешествия во Францию, Италию, Англию. Многие его стихи отмечены «галантной» претенциозностью, вычурностью стиля, экзальтацией. Тем не менее Гофмансвальдау — поэт большого таланта, мощного лирического темперамента, по-своему осмысливший события времени. Обращает внимание разнообразие его поэтических приемов, стремление усовершенствовать и расширить основные положения «реформы Опица». Гофмансвальдау разработал шестьдесят шесть видов поэтической строфы.

Ф и л и п п Ц е з е н (1619—1689).— Учился в Галле и Виттенберге. Основал в Гамбурге «Немецкое товарищество» — единственный литературно-языковый кружок, в который допускались и женщины, пишущие стихи. Подолгу жил за границей: в Нидерландах, в Англии. Помимо стихов писал романы, пытался реформировать немецкую грамматику.

И о г а н н Г е о р г Г р е ф л и н г е р (1620—1677).— Служил по-тариусом в Гамбурге. Входил в литературное «Общество лебедей». Известен, как автор шуточных песен.

Г а н с Г р и м м е л ь с г а у з е н (1622—1676) — крупнейший писатель, автор всемирно известного романа «Приключения Сим-

плициссимуса». Гимп крестьянству.— Стихотворение взято из 3-й главы «Симплициссимуса».

Ангелус Силезиус (1624—1677).— Подлинное имя — Иоганн Шефлер. По профессии врач, близок к философским воззрениям Якова Бёме (1575—1624) — гёрлицкого башмачника и философа-пантеиста, сочетавшего в своем учении мистические мотивы и черты стихийной диалектики. Влияние на Силезиуса оказали и другие философы-мистики. Главное произведение Силезиуса «Странник-херувим» — сборник поэтических афоризмов, суммирующих идеи немецкой мистики о человеческом «Я», внутри которого находится средоточие мира. В России творчеством Силезиуса интересовался Л. Н. Толстой.

Зигмунд фон Биркен (1626—1681).— Был гофмейстером и воспитателем принца в Вольфенбюттеле. В Юриберге основал вместе с Гарсдефером «Пегницкий цветочный орден». В 1650 году вышел его поэтический сборник «Конец войны и лобзание мира». В этой и других книгах — стихи на мифологические сюжеты, пасторали, тексты ораторий.

Катарина Регина Грейфенберг (1633—1694).— Одна из первых немецких поэтесс. Входила в кружок Цезена в Гамбурге. Перу Грейфенберг принадлежит более 250 сонетов. В литературной среде получила прозвище «Отважная».

Даниэль Каспер Лоэнтштейн (1635—1683).— Был крупным сановником в Бреславле. Вместе с Гофмансвальдау считался одним из признанных лидеров «Второй силезской школы». Кроме стихов, ему принадлежит несколько драматургических произведений, роман «Великодушный полководец Арминий», лирико-философские этюды.

Даниэль Морхоф (1639—1691).— Преподавал в Киле ораторское искусство, поэзию и историю. Одним из первых в Германии основал систематическое преподавание литературы, предпринял попытку исторически обосновать грамматику немецкого языка. Ряд его стихотворений написан по-латыни.

Христиан Вейзе (1642—1708).— Был профессором в Лейпциге и в Галле. Выдающийся педагог, преподавал риторику, этику, поэзию и историю. Долгое время был ректором знаменитой гимназии в Циттау. Автор сатирического романа и большого собрания стихов.

Абрагам Санта Клара (1644—1709).— Подлинное имя — Иоганн Ульрих Мегерле. Автор стихов и сатирического романа «Иуда архиплут».

Квиринус Кульман (1651—1689) — проповедник, последователь учения Якова Бёме и чешских философов-мистиков, странствовал паломником по многим странам Европы в качестве политического и религиозного агитатора. Приобрел репутацию опасного фанатика, неоднократно сидел в тюрьмах Германии, Голландии, Англии, подвергался преследованиям. Прослышав, что в Москве, в Немецкой слободе, есть группа последователей учения Бёме, прибыл в Москву, где по жалобе главного пастора московскому патриарху был арестован и после страшных пыток сожжен.

Готфрид Арпольд (1666—1714) — автор песен и стихов преимущественно духовного содержания, протестантский священник. Считался заметной фигурой в поэзии конца века.

Иоганн Христиан Гюнтер (1695—1723).— После окончания гимназии в родном городе Швейднице изучал медицину в Виттенберге. Прославился вначале как певец бурных мирских радостей, продолжатель поэзии вагантов. Лишившись всякой материальной поддержки со стороны отца, недовольного его поэтической деятельностью, влачил нищенское существование, вынужден был прервать учение, скитался по Германии и в возрасте двадцати семи лет умер в Йене.

Гюнтер принадлежит к ранним немецким просветителям, своим творчеством проложившим дорогу немецким классикам, однако в то же время его лирика полностью примыкает по своему характеру к поэзии немецкого XVII века. Его стихи были напечатаны вскоре после его смерти и стали выдающимся явлением немецкой и миро-

вой поэзии. Гете в «Поэзии и правде» писал, что Гюнтер «может быть назван поэтом в полном смысле слова». И далее: «Одухотворенный, остроумный, располагающий многообразными знаниями и редким ритмическим чутьем, он обладал всем для того, чтобы поэтическими средствами создавать вторую действительность рядом с обыденной, прозаической».

ИСТОЧНИКИ

«Tränen des Vaterlandes». Deutsche Dichtung aus dem 16. und 17. Jahrhundert. Eine Auswahl von Johannes R. Becher. Aufbau-Verlag. Berlin, 1963.

Deutsches Gedichtbuch. Lyrik aus acht Jahrhunderten. Zusammengestellt von Uwe Berger und Günther Deicke. Aufbau-Verlag. Berlin und Weimar, 1972.

Deutsche Dichtung des Barock. Herausgegeben von Edgar Hederer. München, 1961.

Deutsche Barocklyrik. Auswahl und Nachwort von Max Wehrli. Dritte, erweiterte Auflage. Benno Schwabe und Co. Verlag. Basel — Stuttgart.

Liebeslyrik des deutschen Barock. Die Fundgrube. Winkler-Verlag. München, 1965.

Epochen der deutschen Lyrik. 1600—1700. München, 1969.

Die Literatur des siebzehnten Jahrhunderts. Ausgewählt und erläutert von Gotthold Bötticher. Halle, 1914.

Gryphius. Werke in einem Band. Volksverlag. Weimar, 1963.

Christian Hofmann von Hofmannswaldau. Gedichte, Fischer-Bücher. Frankfurt am Main und Hamburg, 1968.

При подборе иллюстраций использована книга Mirjam Bohatcova. Irrgarten der Schicksale. Einblattdrucke vom Anfang des Dreissigjährigen Krieges. «Artia», Praha, 1966.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От переводчика	5
<i>Автор неизвестен</i>	
Вечность	13
<i>Георг Рудольф Векерлин</i>	
К Германии	16
Сон	17
На раннюю смерть Анны Августы, маркграфини Баденской	18
Пирушка	19
<i>Фридрих фон Шпее</i>	
Ксаверий	23
Прошла угрюмая зима	25
<i>Юлиус Цинкгреф</i>	
Об измене возлюбленной во время войны	28
<i>Маргин Опиз</i>	
Песнь об отчизне	30
Безответная любовь	32
К ночи и к звездам	34
Роета	35

Образец сонета	35
Пресыщенные ученостью ,	36
Sta viator ,	37
Зерцало мира	37
Свобода в любви	38
Песня	39
Средь множества скорбей	40
Жалоба	41
Везувий	42
Прогулка	44
Погибла Греция	45
Слово утешения среди бедствий войны	45
<i>Роберт Робертин</i>	
Весенняя песня ,	47
<i>Фридрих Логау</i>	
Изречения и эпиграммы	49
<i>Симон Дах</i>	
Анке из Тарау	53
Цена дружбы	54
Приглашение к веселью	55
<i>Даниэль Чепко</i>	
Размышления	57
Фрагмент	58
<i>Пауль Гергардт</i>	
Летняя песнь	59
Вечерняя песнь	61
Моление о дружбе	62
Песнь утешения	64
Перед распятием	66
Ода в честь провозглашения мира	68

Иоганн Рист

На приход холодной зимней поры	72
Жалоба Германии	74
Вечность	76
Христианским князьям и властителям Германии...	77

Георг Филипп Гарсдерфер

Дождь	79
Загадки	81

Пауль Флеминг

К самому себе	82
Размышления о времени	83
Зачем я одержим...	84
Спор с самим собой	84
Озарение	85
Верное сердце	85
Как бы он хотел, чтобы его целовали	87
Похвальба пехотинца	88
Новогодняя ода 1633	89
Великому городу Москве, в день расставания	91
На слияние Волги и Камы, в двадцати верстах от Самары	91
На смерть господина Мартина Опица	92
К Германии	93
Эпитафия...	93

Исайя Ромплер фон Лёвенгальт

Взбесившаяся Германия (Фрагмент)	95
--	----

Андреас Чернинг

Девушке, выходящей замуж за старика	98
К отсутствующей	99

Иоганн Клай

Анакреонтическая ода...	101
Праздничный фейерверк по случаю рождения мира	102

Андреас Грифиус

Слезы отечества, год 1636	104
Величие и ничтожество языка	105
Созерцание времени	106
Fortis ut mors dilectio	106
Мертвец говорит из своей могилы	108
К портрету Николая Коперника	110
Гибель города Фрейштадта	111
Невинно страдающему	113
Заблудшие	114
Сонет надежды	114
Все бrenно...	115
Одиночество	116
Плач во дни великого голода	116
Гробница кесаря	118
К накрашенной	119
Свадьба зимой	119
К Евгении	120
На завершение года 1648	121
На завершение года 1650	121
Последний сонет	122

Христиан Гофмансвальдау

Исповедь гусиного пера	123
Утренняя песня	124
Портрет влюбленного	125
Радость	127
Сладострастье	127
На крушение храма святой Елизаветы	129
Предостережение	129
Земная жизнь	130

Размышления в день моего пятидесятилетия	131
Строки отчаяния	133
<i>Филипп Цезен</i>	
Ода	136
К боготворимой, равных себе не имеющей Роземунде . . .	138
<i>Иоганн Георг Греблингер</i>	
Праздник	140
<i>Ганс Гриммельсгаузен</i>	
Гимн крестьянству	142
<i>Ангелус Силезиус</i>	
Изречения	145
<i>Зигмунд фон Биркен</i>	
Мир говорит	148
Осенняя песнь Флоридана	149
<i>Катарина Регина фон Грейфенберг</i>	
О преследуемой и все же неодолимой добродетели . . .	152
К ночи	153
<i>Даниэль Каспер Лознштейн</i>	
Лабиринт	155
Величие человеческого духа	156
<i>Даниэль Георг Морхоф</i>	
Эпиграммы	159
<i>Христиан Вейзе</i>	
Благие мысли при восхождении по лестнице	161
Неожиданные размышления о наступающей старости . . .	162
Поэтам надобно влюбляться	164

<i>Абрагам а Санта Клара</i>	
Эпитафия старухи	166
Война	167
Ночные музыканты	168
<i>Квирикус Кульман</i>	
Изменчивая сущность бытия человеческого	171
Очертанье примет плоть	173
<i>Готфрид Арнольд</i>	
Мир на земле	175
<i>Йоганн Христиан Гюнтер</i>	
Студенческая песня	177
Проспущаяся печаль	179
Ужель, прелестница младал...	181
Вечерняя песня	182
Терпимость, совестьливость...	184
К отечеству	187
При вручении ей перстня с изображением черепа	190
Примечания	191
Источники	199

Н 50 Немецкая поэзия XVII века в пер. Льва Гинз-
бурга. Сост., предисл. и примеч. переводчика. М.,
«Худож. лит.», 1976.

208 с.

Немецкая поэзия XVII века — одна из ярких и мало известных у нас страниц европейской и мировой лирики. Такие значительные поэты, как Андреас Грифиус, Мартин Опиц, Пауль Флеминг и многие другие, блестяще отобразили свой трагический и бурный век и заложили основы позднейшей немецкой поэзии. Стихи их предстают и как памятник эпохи, и как образец литературного стиля барокко. Они оживают в переводах Льва Гинзбурга. Большая часть стихотворений публикуется на русском языке впервые.

Н $\frac{70404-296}{028(01)-76}$ 162-75

И(Нем)

●

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

●

Редактор

Е. Маркович

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

В. Кулагина

Корректоры

А. Новикович и

В. Широкова

●

Сдано в набор 10/VI 1974 г. Подписано
к печати 24/X 1975 г. Бумага тип. № 1,
Формат 70×108¹/₃₂. 6,5 печ. л. 9,1 усл.
печ. л. 7,121 уч.-изд. л. Заказ № 34,
Тираж 50 000 экз. Цена 36 коп.

Издательство

«Художественная литература».

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Набрано и сматрицировано в орден
Ленина типографии «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.
Отпечатано в орден Трудового Красного
Знамени Ленинградской типографии № 2
им. Евг. Соколовой Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
198052, Ленинград, Л-52, Пзмайловский
проспект, 29